

РАННИЙ ПЕРИОД ТЕОСОФИИ В ЕВРОПЕ

Глава 1

Никакую запись нельзя будет поистине назвать историей Теософического Общества, если она будет касаться просто событий, принимающих вид на физическом плане жизни. С самого первого из них подобные события были следствием деятельности на более высоком плане, шагов, предпринятых невидимыми силами, стоящими над человеческой эволюцией, существование которых не было известно внешнему миру, когда изначально было запущено их великое предприятие — Теософическое движение. Тем, кто известны внешнему миру как основатели Теософического Общества — мадам Блаватской и полковнику Олкотту — существование этих высших сил, Братьев, как их поначалу называли, было более или менее несовершенно понятно. То, что Братьям виделась определённая цель, которой служили шаги, предпринятые в 1875 году Основателями, ими сознавалось смутно. И в первом томе «Листов старого дневника» Олкотта можно проследить рост этого верования, равно как и увидеть, насколько ещё далекими от этих целей были идеи, двигавшие Основателей, каковыми они считаются с того собрания, которое они провели, и которое положило начало основанию Теософического Общества в ноябре 1875 года. На внешнем плане идея об основании этого общества — о его названии договорились позже — была предложена полковником Олкоттом на неформальном собрании людей, заинтересовавшихся мадам Блаватской в её комнатах в Нью-Йорке в сентябре 1875 г., и очевидным предлогом для этого собрания был интерес, вызванный лекцией, прочитанной неким мистером Фелтом о египетских древностях и магической науке египетских жрецов, но по мере того, как проходило формирование Общества, мы потеряли мистера Фелта из виду.

В день после этой встречи было проведено более формальное собрание, и присутствовавшие решили образовать общество «для изучения и объяснения оккультизма, каббалы и т.д.» На закрытом заседании 18 сентября «было решено назвать общество Теософическим Обществом».

В начале XIX века культурное мнение западного мира определённо склонялось в сторону чистого материализма. Прогресс науки подкреплял веру в то, что сознание — это следствие законов природы, действующих через организованную материю. Такую веру люди более духовные высмеивали стишками в том духе, что мы больше верим в зерно и рис, чем в добродетель или порок. Но игривая критика такого характера была малоэффективной. Учителя видели опасность этой преобладающей тенденции и решили, что нужно предпринять попытку проверить, не созрел ли мир для частичного откровения естественных законов, управляющих человеческой эволюцией. Это попытка приняла форму теософического движения. Когда это движение было ещё в экспериментальной стадии, учение, даваемое в качестве эксперимента, ещё не было разработано систематически. Достаточно было указать на некоторые широкие истины — существование Учителей, рост Я, подчинённого карме, по закону реинкарнации, и огромное величие планетной схемы, к которой принадлежит наша Земля.

После публикации «Разоблачённой Изиды» Е.П. Блаватская и Х.С. Олкотт покинули Нью-Йорк, отправившись в Индию. Они уже познакомились по переписке со свами Дайанандом Сарасвати, индусским реформатором, стоявшим во главе организации, которая называлась Арья Самадж, и загорелись верой (которую потом оставили), что Теософическое общество извлечёт преимущества от связи с этой организацией, и в течение некоторого времени оно называлось «Теософическим обществом Арья Самадж»; это название даже на некоторое время было принято для отделения организации, основанном в Лондоне. Образование первого европейского отделения Теософического общества произошло благодаря влиянию и усилиям м-ра Чарлза Карлтона Мэсси,

который точно так же, как полковник Олкотт считается основателем общества в Нью-Йорке, несомненно, был его основателем в Великобритании. Он был сыном У.Н. Мэсси, первого министра финансов Индии, и сам тоже был адвокатом, хотя личные средства позволили ему освободиться от активной практики этой профессии. Он был искренне предан изучению философии и перевёл книгу барона Карла Дюпреля «Философия мистицизма». Я познакомился с ним, когда приезжал туда в отпуск из Индии в 1881 году, и мы дружили до самой его смерти. В 1875 году он посетил Америку, притянутый туда интересом к примечательным спиритическим явлениям, привлекавшим тогда внимание публики. На ферме Эдди, где происходили эти явления, похоже, он и познакомился и с полковником Олкоттом и мадам Блаватской. Он присутствовал на учредительном собрании Теософического Общества в Нью-Йорке, а по возвращении в Лондон основал вместе с друзьями вышеупомянутое отделение. В «Листах старого дневника» Олкотт рассказывает, что соответственно его первому циркуляру, выпущенному в июне 1878 года, оно было названо Британским Теософическим обществом Арья Самаджа Арьяварты. Его цели были определены следующими:

1. Британское Теософическое Общество основано ради открытия природы и способностей человеческой души, духа исследования и эксперимента.
2. Цель общества — способствовать росту человеческого здоровья, доброты, знаний, мудрости и счастья.
3. Члены приносят обет стремиться изо всех своих сил жить жизнью умеренности, чистоты и братской любви. Они верят в Великую Разумную Первопричину и в божественное сыновство человеческого духа, а потому и в бессмертие духа и вселенское братство рода человеческого.
4. Общество связано узами симпатии с Арья Самадж Арьяварты, целью которого является поднимать, путём подлинного духовного просвещения, человечество из выродившихся, идолопоклоннических и нечистых форм поклонения, где бы они ни преобладали. («Листы старого дневника», т. I, с. 399)

Эта самая ранняя попытка определения целей теософического движения интересна использованием слова «Братство». Это м-р Мэсси первым использовал это выражение. Полковник Олкотт взял его у него. Этот циркуляр с британским изложением целей, несомненно, имелся у Олкотта, когда он писал, но сложное название для общества, соединяющее его с восточной организацией, похоже, забылось сразу после того, как оно было сформулировано. У меня имеется оригинал книги протоколов британского общества, сообщающей действительные факты, связанные с самым ранним началом теософии в Европе, которое, как я уже сказал выше, произошло благодаря усилиям Ч.К. Мэсси.

Первая запись в этой книге свидетельствует, что собрание прошло на Грэйт Рассел стрит 38, в Лондоне, 27 июня 1878 г., в присутствии м-ра Дж. Сторера Кобба (уже был членом Нью-Йоркского общества, наряду с некоторыми другими упомянутыми лицами), Ч.К. Мэсси, д-ра С. Картер Блэйка, д-ра Джорджа Уайлда, д-ра Х.Дж. Биллинга и мисс И. Кислингбери. Председательствовал м-р Кобб. (Был составлен список всех присутствующих).

Первая принятая резолюция гласила: «По мнению английских членов Теософического общества Нью-Йорка, присутствующих на этом собрании, желательно образовать общество в Англии, связанное и находящееся в симпатии с этой организацией». Голосованием президентом нового отделения общества был избран м-р Ч.К. Мэсси, а секретарём — мисс Кислингбери.

Встречи нового Общества были нечастыми. Следующее собрание после учредительного было проведено 1 октября, а потом прошёл ещё месяц, прежде чем состоялось третье. Тогда, похоже, ещё никто не знал, что делать. К списку членов добавлялось много новых имен. Было сделано предложение, что нужно отобрать книги и обсуждать их, что нужно также попытаться предпринять месмерические эксперименты, но этой идее, похоже, так и не последовали. Как мы можем видеть

теперь, образование обществ в Нью-Йорке и Лондоне, будучи рассматриваемо с высшей точки зрения, просто обеспечивало каркас, который предстояло оживить позже. Скоро по протоколам можно было видеть, что ранние члены начали выходить из общества. М-р Биллинг, известный спирит и медиум того времени, входил на собраниях в транс и сообщал информацию, но более определённых записей об этом нет. Затем последовало внезапное оживление, когда Е.П. Блаватская и Х.С. Олкотт проследовали через Лондон по пути в Индию и присутствовали на собрании британского общества 5 января 1879 г. Протоколы, относящиеся к этому событию, однако, имели формальный характер, касаясь дипломов, вступительных взносов и прочих обязательств; их оживило только заверение Блаватской, «что Общество с уверенностью может ожидать прибытия компетентных наставников из Индии».

Олкотт и Блаватская, похоже, разочаровались в Арья Самадж ещё до отъезда из Нью-Йорка, «восстановив автономию общества», как выразился полковник Олкотт, и им представилось желательным набросать новую декларацию принципов. В ней мы первый раз получаем предвестник хорошо известных целей Общества. При первом изложении они были следующими:

1. Изучение оккультной науки.
2. Образование ядра всеобщего братства.
3. Возрождение восточной литературы и философии.

В разные периоды развития Теософического общества его цели переставлялись и пересматривались, пока не приняли тот вид, который знаком всем более поздним членам, с идеей Братства, идущей первой, а именно следующей:

1. Образовать ядро* всеобщего Братства Человечества, без дискриминации по расе, вероисповеданию, касте или цвету кожи.
2. Поощрять сравнительное изучение религий, философии и науки.
3. Исследовать необъяснённые законы природы и способности, скрытые в человеке.

* До сих пор не найдено адекватного русского перевода слова nucleus, использованного в формулировке первой цели. Слово «ядро» нередко вызывает неверное понимание, как сообщающее идею чего-то, отделённого от остального мира некой скорлупой. До революции предлагались разные варианты, например «зерно». Возможно, лучше всего передающим изначальную идею было бы слово «семя». — *Прим. пер.*

Думаю, что мотивы записи целей таким образом можно объяснить озабоченностью Блаватской и Олкотта, задавшихся с самого начала обеспечить рост общества в Индии, привлечь как можно больше членов, не допуская того, чтобы вера в существование Учителей стала необходимым условием для членства. На самом деле, это движение не имело бы смысла, если бы не служило средством поднять в некоторой мере занавес, раньше скрывавший действительную Божественную Иерархию от сознания внешнего мира. Но Братство было простой идеей, доступной пониманию внешнего мира, и будучи в пересмотренной декларации целей, могло привлечь сочувствующих индийцев — и индийские рупии! Оглядываясь на историю Общества в течение трёх или четырёх лет, последовавших за прибытием Олкотта и Блаватской в Индию в 1879 году, мы должны избегать ошибки, полагая, что в их усилиях утвердить Общество на прочной финансовой основе были какие-то корыстные мотивы. Как покажет история, будет видно, что Основатели сделали много ошибок, которые чуть не порушили всю их работу, но оба в этом были полностью свободны от всякой личной жадности. Олкотт в Америке бросил много прибыльных занятий, чтобы посвятить свою жизнь продвижению предприятия, которое лишь смутно понимал, но знал, что оно организовано Учителями, чей призыв к его преданности он вполне научился ценить. В прошлых жизнях — хотя в 1879 году он о них ещё ничего и не знал — он был тесно связан с Индией и играл значительные роли в важные периоды её истории. В этой жизни он отправился с Е.П. Блаватской в Индию, смутно чувствуя, что это для них святая земля, и там его деловые способности направили его усилия, приведя Общество к деловому успеху. Он был неутомим в создании новых отделений и сборе вступительных взносов, без которых работа не могла бы продолжаться. Нельзя отрицать, что он жил в Индии на средства Общества, но столь же верно, что он всегда держал свои личные

расходы в минимально допустимых пределах, и мотивы его действий были чисты и бескорыстны. Что же касается Е.П. Блаватской, то когда мы с женой впервые познакомились с ней в 1879 году, она много работала, зарабатывая себе на жизнь писательством для русских журналов.

Это объяснение покажет, как получилось, что Братство в поздние годы стало считаться первостепенной идеей, оживляющей Теософическое общество — признание всеобщего братства стало единственным условием членства. Будучи принятым в Индии, чтобы привлечь местных жителей этой страны, и являясь большим местом для престижа европейцев, это слово приняло новое значение, будучи пересажено в Европу. Люди с политическими симпатиями к крайней демократии и социализму стали воображать, что Теософическое Общество вдохновлялось симпатиями этого характера. Сохранение в формулировке слова «ядро» должно было предотвратить эту ошибку, и по мере того как, учение Учителей постепенно просачивалось во внешний мир, должно было стать видно, что ядро всеобщего братства состоит из продвинутых членов человеческой семьи, которые в состоянии понять духовное единство, проявляющееся на буддхическом плане. По мере того, как пройдут долгие века, это понимание станет среди человечества всеобщим, но пока что мы далеки от достижения этого возвышенного состояния.

Несколько лет назад, в июле 1917 года, я написал в «Вахане», журнале, выпускаемом Британской национальной секцией Теософического Общества, короткую статью на эту тему, которую воспроизвожу здесь. Объяснив, как это слово начало использоваться, я продолжал:

Время от времени мы можем с пользой пересматривать постепенно совершенствующиеся представления, которые нам удалось составить о великих целях, которые стоят за теософическим движением. Фразы, в которых они в конечном счёте выкристаллизовались, не вполне представляют идеи, пришедшие в умы тех людей, которые навещали комнаты Е.П. Блаватской в Нью-Йорке благодаря проявлению её чудесных оккультных сил (хотя это и не так важно). Как объясняет полковник Олкотт в своих «Листах старого дневника», в сентябре 1875 года в комнатах Блаватской неким мистером Фелтом (который потом пропал из виду) была прочитана лекция о магии жрецов Древнего Египта. Олкотт предложил создать общество для изучения этих предметов. Это было сделано, и хотя было принято название Теософическое Общество (несомненно, под оккультным водительством), Олкотт одно время предлагал назвать его Клубом чудес.

Слово *Братство* не проникало в его записи, пока не прошло несколько лет. Это Ч.К. Мэсси со своими лондонскими друзьями впервые его использовал, когда они создали Британское отделение нью-йоркского общества. Они описали его задачу, как «открывать природу и способности человеческой души», после чего заявили, что верят в «великую разумную Первопричину и божественное сыновство человеческого духа, а потому и в бессмертие этого духа и во всеобщее братство рода человеческого». Олкотт принял намёк и развил эту идею в следующем заявлении целей: 1) Изучение оккультной науки; 2) Образование ядра всеобщего братства; 3) Возрождение восточной литературы. Позже слово «братство» передвинулось на первое место, но всегда сопровождалось уточняющим словом «ядро». Оно не использовалось и никогда не должно использоваться теософами в том значении, которое придают ему люди, озабоченные мирской политикой или социальными преобразованиями на физическом плане. Это слово в его теософическом значении указывает на Единство Божественного сознания на возвышенных планах природы, и на то ядро для отражения этого единства на физическом плане, которое могут создать изучающие теософию, верно оценивающие это учение.

Грубый демократический смысл, придаваемый термину «братство», является оскорблением теософического учения. Сознание, распространяющееся на всё совершенное человечество, несомненно, в тонком метафизическом смысле тождественно по своей природе с сознанием не только более скромных классов цивилизованных стран, но и австралийских дикарей, собак, крокодилов и Учителей Мудрости. Но это не значит, что всякое проявленное сознание, в каком бы проводнике оно ни находилось, наделяется с нашей точки зрения равными притязаниями. Все

наделяются равными правами на наше сочувствие, и вот так люди, не придающие значения тонким различиям, скатываются к злоупотреблению термином братство. Если во всеобщее братство включать овец и морских свинок, это хорошо, но мы ведь не просим у овец и свинок их мнения в дискуссии по вопросу избирательных прав, например. Думается, тут и причина заблуждения, из-за которого считают теософское братство ведущим к политическому социализму. Теософическое учение о человеческой эволюции показывает нам человеческую семью, состоящую из членов, находящихся на очень разных стадиях развития. Оно освобождает нас от старой грубой ошибки, происходящей от невежественного заблуждения, что каждый ребёнок творится заново, из чего следует, что все имеют равные права. Согласно классической фразе из политических трудов, «все имеют равное право на жизнь, свободу и стремлению к счастью», но наделяются различными привилегиями формировать законы, обеспечивающие осуществление этой фундаментальной идеи.

Таким образом, позволять искажать формулу, в которой обычно излагаются цели Теософического Общества, в угоду целям любой мирской теории социальных реформ — это очень прискорбная ошибка. С самого начала все квалифицированные представители теософического движения предупреждали нас против всякого его загрязнения политическими целями. В Теософическое Общество входят люди самых разнообразных политических взглядов, но в пределах его их единственным долгом является изучать сверхфизические духовные науки, постепенно раскрываемые для нашего блага, а через нас — для блага всего человечества, и способствовать их изучению. Исполнение этого долга должно быть в совершенной гармонии с чувствами внутри Общества, где не нужно и не желательно обсуждать разные верования относительно того, как лучше всего обеспечить физическое благосостояние человеческого сообщества. Мы не должны давать недоброжелательным критикам нашей настоящей работы предлога считать нас организацией людей, вяжущих сомнительные схемы подрывной деятельности для достижения своих целей изменений на физическом плане.

На самом деле главная цель Теософического Общества — хотя это с самого начала и не было очевидно даже так называемым Основателям — было открыть двери, ведущие к вступлению на Путь, и таким образом, к раннему достижению условий, к которым стремится эволюция, — дверей, ранее закрытых для всех, кроме тех немногих, которые боролись с огромными трудностями, пробивая себе путь вперёд.

Но прежде, чем объяснить это заявление полнее, позвольте мне продолжить рассказ о внешних событиях до того периода, когда мы с женой начали сотрудничать [с Основателями].

С прибытием Основателей в Индию можно считать реальное развитие Общества начавшимся. Ситуация в то время было вкратце следующей: —

Е.П. Блаватскую следует считать центральной фигурой. Она была единственным человеком, которая знала сама, что Братья, как она их тогда называла — были существами, в одном аспекте человеческими, из плоти и крови, ибо она некоторое время была с ними в Тибете. Она знала, что они обладали поразительными возможностями в том, что касалось занятий делами мира. У неё самой были способности сверхфизического порядка, позволяющие сохранять с ними контакт, когда угодно. Она знала, что у неё есть миссия, которую нужно выполнить, приняв в тот момент вид Теософического Общества. Должно быть, она сознавала, что обладает чудесными силами, на употребление которых было наложено ограничение, принятое ею из преданности тому великому Брату высочайшего уровня, которого она считала своим Учителем. Она уже написала «Разоблачённую Изиду», которая, фактически, не так уж много раскрывала Изиду, но была полна исключительно наводящих на мысли намёков, равно как и свидетельств, показывающих, что во время её написания она совершенно не ведала о том, к чему мы придём позже и станем считать азбукой теософического учения.

Полковник Олкотт не начал об этом ещё даже думать. Он просто знал, что Братья существуют, был удостоен высокой чести стать преданным им, знал, что его непосредственное дело — приводить в действие Теософическое Общество, и выдерживать со всем стоицизмом, на который он был

способен, сокрушающую тиранию Блаватской, больше о которой будет позже.

Теософическое общество было всё ещё в зародышевом состоянии. Оно чуть теплилось, почти исчезнув, в виде неактивного ядра в Америке. Оно было только что основано в Лондоне, будучи в слабо трепещущем состоянии благодаря влиянию главным образом Ч.К. Мэсси и Хенри Худа, у которых у самих не было пока что определённого представления, за какую задачу они взялись. Конечно же, на физическом плане в то время не делалось ещё ничего, что бы намекало бы на те грандиозные события, которые были припасены для великого эксперимента, который был в плане у Учителей, и предварительные условия которого должен был обеспечить дальнейший ход событий.

Теперь я должен заняться — в свете информации, полученной в гораздо более поздний период — сверхфизическими условиями, преобладавшими в описываемый период, о которых совершенно не подозревали люди, которых они привели к тому, чтобы стать их орудиями во внешнем мире.

Как уже было объяснено, как минимум в 1830 году Братья — старшие братья человечества и те, чьи духовные достижения были ещё выше — слитые в божественной Иерархии и составляющие возвышенную организацию, о которой постепенно стали говорить как о Белой Ложе, — провели судьбоносное совещание. Они обеспечили меры, которые привели к основанию спиритизма и к более позднему эксперименту, который в конце концов принял вид Теософического Общества.

Трудности, сопровождавшие задачу, идут дальше объяснения того, что на первый взгляд, если мы оглянемся назад, покажется трудоёмкими обходными методами, которые применялись. Нужны были посредники на физическом плане, и было нелегко найти такого, у кого бы встречалась совокупность необходимых качеств. Первым делом, нужен был человек, который бы служил в качестве связующего звена между Белой Ложей и миром в целом, способный говорить о Братях из личного знания, и всё же сохраняющий связь с обычным миром. Он или она должен был быть наделён высшими чувствами, которые позволяли бы оставаться в сознательном контакте, даже живя в обыденном мире, а помимо этого, на него можно было полагаться, и он должен был быть надёжным в плане верности своему Учителю. Были крайне желательны и другие свойства, но три уже перечисленных были существенными. И длительные поиски по всему миру не смогли обеспечить лучшего связующего звена, чем Е.П. Блаватская!

Печальные результаты, последовавшие из многих свойств и черт характера, которые она проявляла, выразились в том, что бесчисленные интеллигентные члены Общества, по мере того, как оно росло, с негодованием спрашивали — почему Учителя выбрали такого неподходящего агента? Ответ был прост — они не смогли найти лучшего! В ходе этой истории станет видно, что их приводила в замешательство неосмотрительность Блаватской, — если выразиться мягко — которая была нередко смехотворной, если бы её последствия не были бы столь грустными. Общество росло, проходя через опасные болезни роста, и в период, о котором я пишу сейчас, в 1918 году, оно едва ли пережило детские болезни, но уже давно развило такую конституцию, которая уже позволяет не стать им смертельно опасными и отражать махинации невидимых врагов. Но теперь я должен опять обратиться к нашим ранним бедам, поскольку они неразрывно связаны с важной главой в истории Общества, начавшейся с 1879 года.

Глава 2

В начале 1879 года Е.П. Блаватская и Х.С. Олкотт прибыли в Бомбей. В то время я уже в течение приблизительно восьми лет был редактором «Пайонира», ведущей ежедневной газеты англичан Индии. Лондонские друзья рассказывали мне о книге Блаватской «Разоблачённая Изида», как она открыла новые горизонты, более широкие, чем те, которые предлагал спиритизм, с которым мы женой были достаточно знакомы до того, как уехать в Индию. Похоже, она возрождала древние верования, касающиеся магии, в западном мире уже давно считавшиеся простым суеверием. Так ли иначе, автор этой книги была замечательным человеком, по крайней мере, в плане внимания

публики, и я написал в «Пайонире» заметку о её прибытии в Индию, предположив, что она ищет новых разновидностей медиумизма среди населения этой страны. Это побудило Олкотта написать мне, хотя тогда, мало предвидя всё то, что последует из этой переписки, я не сохранил этого письма. Редактор ежедневной газеты, естественно, получает целую реку корреспонденции и не всегда может сказать, какую стоит сохранять.

Но, как я теперь вижу, мне пришла на помощь интуиция, причём не моя собственная, а моей жены. Помню, как однажды вечером во время нашей хава-кханы (выражение на хинди, означающее купание в прохладном (?) вечернем воздухе) мы разговаривали о новоприбывших, как вероятно связанных с темой спиритизма, которым мы интересовались ещё до того, как уехали из Англии. Тогда моя жена предложила дерзкий эксперимент — пригласить их побывать у нас, когда они поедут посмотреть страну, что они несомненно захотят потом сделать. Мы оба посмеялись над этим, чувствуя, что в этом приключении был элемент риска, поскольку предполагаемые гости были для нас совершенными незнакомцами, но мы решили рискнуть. Так что я должным образом отправил приглашение, и (с учетом влияний, действовавших на нас в то время) оно конечно было охотно принято. Очень скоро после того Блаватская сказала мне, что её учитель очень желал, чтобы это было сделано.

Когда я пишу это сейчас (в 1918 году), через десять лет после ухода моей жены с этого плана бытия, в возвышенное состояние Белой Ложи (а это состояние включает в себя многих, кто ниже уровня Учителя, как и многих выше его), то чувствую побуждение дать своим читателям что-то вроде честного понимания той роли, которую она играла в нашей совместной работе. В течение всей этой, конечно, внешней деятельности, такой как писательство и выступления с лекциями, выпавший на мою долю, я не могу преувеличить степени её твёрдой преданности задаче, порученной нам, какого бы успеха мы ни достигли. Хотя она не обладала психическими способностями в обычном смысле этого слова, её интуиции всегда можно было доверять, и её практическое влияние как хозяйки нашего дома после нашего окончательного возвращения из Индии, было центром распространения влияния теософии в этой стране, имея очень важный эффект в привлечении симпатий. У тех, кто стал нашими близкими друзьями, её влияние очень ценилось, и оглядываясь назад в те волнующие годы, начиная с 1883-го, когда присутствие Блаватской в Лондоне стало для нас в конечном счёте испытанием, я осознаю, как её неустанное постоянство верности возвышенной цели более, чем помогло нам выдержать нашу работу. Невозможно будет повторять эту идею на каждом шагу нашего рассказа, который я должен продолжать, но на всём его протяжении духовной энергии, стоявшей за моей публичной деятельностью, я был в значительной степени обязан её стимулирующей компании, которой мне посчастливилось наслаждаться. Со временем нам пришлось пережить ужасные испытания. Даже самое небольшое понимание того, каким образом великие силы зла взялись противодействовать всем видным личностям в теософическом движении, наведёт на простую истину, какие тяжёлые нападения на нас ими предпринимались. Но даже в величайших страданиях, которые они причинили моей жене, её постоянство ни разу не дрогнуло, и хотя она теперь на тех планах существования, с которых на все подобные неприятности можно смотреть спокойно или с улыбкой, в то время они были испытаниями в самом строгом смысле этого слова. Через их все она теперь прошла, как я говорю, к самой прекрасной судьбе. Об этом я много знаю от неё самой и от других, ибо я в соприкосновении с высшим миром, к которому она принадлежит, но углубляться в дальнейшие подробности было бы сейчас так ли иначе преждевременно. Говоря о первом примере её интуиции, побудившей нас к правильным действиям относительно Блаватской, я бы забежал слишком далеко вперёд относительно того фактического этапа, которого я достиг своей истории, но по мере её продолжения читатель ли сможет лучше оценить ту степень, в которой моя жена участвовала всей нашей совместной деятельности в ранние дни теософического движения.

У Олкотта и Блаватской уже были планы на длительную поездку по югу Индии и Цейлону, и фактически только к концу года они уже приехали к нам в Аллахабад.

Я живо помню обстоятельства их приезда. Они приехали на поезде, прибыв в Аллахабад рано утром.

Я пошёл на станцию встречать их и доставил их к себе. Была ещё так рано, что наш чота хазри (первый завтрак) был накрыт на веранде, а моя жена ещё не вышла из своей комнаты. Блаватская села ко мне за стол и спросила, пробовали ли мы какие-нибудь эксперименты со спиритизмом. Я сказал ей, что иногда пробовали, но безрезультатно, не было даже «ни одного стука». «О, — сказала она, — стуки получить проще всего». Тут же повсюду послышались стуки настоящего спиритического характера. Моя жена почти сразу же вышла и сердечно встретила посетителей. Наше первое впечатление от Блаватской было, несомненно, приятным, и в дневнике жены за тот день — 4 декабря 1879 года — я нахожу следующую запись: «Весьма оригинальная пожилая дама, которая обещает огромное развлечение». Но хотя день продолжился приятно, и не произошло ничего, что смазало бы первое впечатление, днём или двумя позже мы пережили нечто вроде потрясения. Мы сидели вечером вокруг огня — потому что ближе к рождеству в Аллахабаде уже бывает нужно собираться у огня — и Олкотт рассказывал о некоторых из «джаду» или магических представлений Блаватской в Нью-Йорке. Предложили, что ей стоило бы как-нибудь устроить что-то подобное и для нас, и я предложил в качестве предмета, который бы она могла произвести, мундштук для сигары. Блаватская проделала некоторые предварительные манипуляции, потёрла в руках трубку Олкотта, сделанную из морской пенки, а зачем просто сунула руку в карман и достала оттуда мундштук. Как демонстрация магии это представление было столь абсурдным и столь гротескно лишённым всякой ценности как свидетельство, что я не знал, что и сказать. Не помню, как мы провели остаток вечера, но помню как мы с женой, наконец-то оставшись одни, переглянулись между собой. Не нужно было никаких слов. Мы попали в руки грубой мошенницы? Вот каким вопросом мы оба задавались, когда начали говорить. Конечно, было много стуков, которые Блаватская производила для нас всевозможными способами; конечно, они были свидетельствами чего-то большего, чем просто медиумизм. Они, очевидно, были ей подконтрольны так, как никогда не бывает в случае медиумизма, так что мы решили быть терпеливыми и не делать скоропалительных выводов.

Со временем неприятное впечатление изгладилось, и мы стали сердечно привязаны к Старой Даме, как мы её называли, каковое обозначение в свою очередь стало аббревиатурой С.Д., под которой она уже стала известна в близком кругу. Визит, первоначально запланированный на несколько дней, затянулся почти на месяц. Она была прекрасной собеседницей за обедом в нашем доме и в других местах, и постепенно мы много услышали от неё о Братьях и Теософическом Обществе, в которое она наконец побудила нас вступить, что мы тогда сделали, скорее, неохотно, поскольку быть сильно связанными с его организацией было не в нашем вкусе, но нас убедили в существовании Братъев и их заинтересованности в Обществе, несмотря на то, что поведение С.Д. во многих отношениях шло вразрез с хорошими манерами, особенно её обхождение с полковником Олкоттом, с которым она иногда разговаривала очень грубо, и до невыносимой степени его изводила. «Вы думаете, — сказал он мне однажды — что я бы выносил эту сумасшедшую француженку, если бы не знал, что за ней стоит?».

Однажды он читал в зале публичную лекцию, при которой председательствовал А.О. Хьюм, а С.Д., на которую его выступление произвело неблагоприятное впечатление, потом, когда мы ехали домой, грубо его оскорбила. В написанной мною потом книге «Случаи из жизни мадам Блаватской»,* я упомянул этот инцидент, сказав: «Слыша её разговор на эту тему периодически в течение вечера, можно было подумать, что надежды её жизни были разбиты». Ещё одна вспышка гнева была в тот вечер, когда они с Олкоттом покинули нас — 30 декабря. Она забыла шаль и выплеснула гнев на многострадального полковника, но здесь мне не нужно вдаваться в дальнейшие подробности подобного рода. Я сам, постепенно близко с ней подружившись, стал находить трудным выносить её характер, и вижу указания на это в дневнике жены, который оказался весьма ценной летописью событий, связанных с тем, как росли наши отношения с Теософическим Обществом.

Несмотря на несколько смешанные чувства, мы пригласили своих гостей нанести нам ещё один визит в Симлу, где нам к тому времени стало возможно проводить жаркие летние месяцы. Они прибыли туда 8 сентября 1880 года. К этому времени Олкоттом уже было основано довольно много отделений Общества, но пока ещё ни у кого не было и самого смутного представления о том, какая

его ожидает конечная судьба, и выполнение какого назначения было для него задумано Учителями.

Это (как и многое другое) показало письмо Олкотта, которое он, будучи у нас в Симле, написал иностранному секретарю с просьбой избавить его от всяких подозрений в политических интригах. Это письмо цитируется в его «Листах старого дневника»,** где он описывает Общество как организованное «для определённой цели изучения религий, философий и наук древней Азии».

* Второе издание, с. 178.

** Т. II, с. 229.

События, предшествовавшие присутствию Блаватской в Симле в упомянутый период по большей части описаны в моей книге «Оккультный мир» и повторять опять эту историю не понадобится. Проявления оккультных сил, которые она тогда щедро мне давала, произвели на мой ум глубокий эффект. Я почувствовал, что те, кто демонстрировал столь чудесную власть над силами природы, неизвестными физической науке, должны обладать соответствующими знаниями.

Что касается управления Теософическим обществом, Блаватская проявила себя курьёзно неподходящей для этой работы, что заставило меня однажды сказать, что мне хотелось бы вступить в общение с одним из Братьев, о которых она говорила. Я чувствовал уверенность, что они более разумные люди, чтобы с ними иметь дело, чем она. Разговор с ней показал, что она не считала это невозможным, и я написал письмо, адресованное «*Брату*» и вручил его ей для передачи. Ответ был должным образом получен, и это было первым из длинного ряда писем от Учителей К.Х. и М., которые привели к написанию «Оккультного мира», а затем и «Эзотерического буддизма».

Я могу также сразу же объяснить, что только с годами стал осознавать истинный характер этой переписки. Письма не были, как я вначале воображал, действительно написаны Учителям, а затем оккультными средствами переданы Блаватской или помещены где-нибудь в доме, где я их позже должен был найти. Они были несомненно вдохновлены К.Х. (все в начале имели его подпись), но по большей части, если не всегда, диктовались сведущему янослышающему секретарю, и им обычно была Е.П. Блаватская. В них содержались высказывания огромного очарования и литературной красоты, и сделав тщательный отбор, я привёл некоторые из них в «Оккультном мире». Но с самого начала Блаватская, похоже, была одержима верой, что могла улучшать и расширять сообщения Учителей. В начале это не имело большого значения, но позже, когда письма посвящались передаче учения оккультной науки и стали материалом, с которым я работал при написании «Эзотерического буддизма», расширения, дополнения и «улучшения» (?) были почти катастрофическими. Спустя долгое время после того, как она ушла из этой жизни, по мере того, как методы моего сообщения с Учителями стали получать новые и улучшенные условия, я обсудил этот вопрос с Учителем К.Х., и в отношении некоторых высказываний в письмах того периода, когда передавалось учение, он мне открыто сказал, что они были *пародией* на тот смысл, который он вкладывал.

Тем не менее, они содержали массу информации, касающейся истин природы, которые с тех пор стала фундаментальными идеями, лежащими в основе теософии, ранее неизвестными ни Блаватской, ни мне. Реинкарнация, карма, планетные цепи, последовательность коренных рас, подрас и так далее, не подверглись никакому вмешательству. Блаватская в то время не знала об этом достаточно, чтобы ей было возможно внести путаницу в прошедшую через её руки информацию об этих вещах. Тем не менее, к сожалению, она приобрела — при условиях которые я не буду пытаться объяснить — сильное отвращение к спиритизму, и иногда, когда письма касались посмертных состояний, она примешивала туда это чувство. Результат ужасно вводил в заблуждение, и о последствиях можно только пожалеть, как позже покажет этот рассказ.

Возвращаясь теперь к событиям, происходившим в Симле в период 1880 года, я должен объяснить, что А.О. Хьюм, возглавлявший один из департаментов правительства Индии, глубоко заинтересовался чудесными явлениями, происходившими тогда через посредство Е.П. Блаватской или по её воле. Я показал ему письма, полученные мною от Учителя К.Х., и он сам в свою очередь

написал Учителю и получал от него ответы. В то время и позже мы работали в тесном сотрудничестве. «Оккультный мир» покажет это более подробно.

В декабре Блаватская посетила нас ещё раз в Аллахабаде, а в марте 1881 г. мы с женой отправились во вторую нашу поездку в отпуск в Англию. Во время этого путешествия, находясь в море по пути домой, я написал «Оккультный мир», который был опубликован вскоре после нашего прибытия.

Тогда я впервые познакомился с м-ром Ч.К. Мэсси и м-ром Худом, ведущими членами зарождавшегося Теософического общества в Лондоне, где сохраняли живые и тёплые воспоминания о приезжавшей туда Блаватской, но с тех пор не сделали никакого движения даже к пониманию конечной цели теософического движения. Однако то, что было описано в «Оккультном мире», придало огромный стимул новорождённому обществу. Собрания на Грэйт Рассел стрит оживились новым интересом. Преобладало нетерпеливое ожидание. Никто не знал, чего ожидать, но все чего-то ждали. Среди моментов, относительно которых люди пребывали в неуверенности, был один такой, из-за которого произошло несколько нелепых случаев. Должны мы или не должны быть тайным обществом? Олкотт, склонный к церемонии и соблюдению формы, изобрёл церемонию посвящения в Общество, которую должны были пройти нововступившие члены. Их учили особым словесным формулам, которые нужно было использовать обращаясь к незнакомцу, желая убедиться, является ли он членом Теософического Общества или нет. На это нужно было ответить, если человек являлся членом, другими словами определённой формы, и нужно было выучить довольно неуклюжее рукопожатие. Мне никогда не нравилось всё это пристрастие к таинственности, когда у нас не было ничего, что стоило бы скрывать, и мне удалось несколько позже от этого всего избавиться, но это всё ещё действовало в тот период, о котором я говорю. И я помню, как на одном собрании один из первоначальных членов, более или менее причастный к руководству, сказал мне, что снаружи ждёт странная дама, которая сказала, что она теософка и хочет войти, но не знает условных знаков! Я сказал да, и даму пустили. Она оказалась никем иной, как миссис Гебхард, которую я тогда увидел в первый раз. Она только что приехала из Германии как раз с целью установить контакты с новым движением в Лондоне (и с нами); позже она сыграла в нашем движении очень важную роль. Если бы я тогда уже не относился к знакам посвящения с пренебрежением, и она оказалась бы не допущена на наше маленькое собрание, то будь у неё другой характер, она бы приобрела отвращение ко всему предприятию, вместо того, чтобы стать, как она скоро и стала, одним из наших самых ценных соратников.

В более поздние годы время от времени там и сям появлялось некое возобновление желания украсить членство в Теософическом Обществе тайными знаками и паролями, подобными масонским. Любовь к таинственности ради её самой — странное человеческое свойство, нередко встречающееся, но довольно недостойное, когда да на самом деле скрывать нечего. Для тех, кто в состоянии продвигаться по Пути, соблюдение секретности — это, конечно, самый ненарушимый императив, но членство в Теософическом Обществе не подразумевает такого рода знаний. Оно даёт нам знания, важность которых бесценна; это самый высший вид знаний, какие только можно получить, но не нужно играть, ложно притворяясь, что мы уже обладаем мистериями, которые нужно скрывать от глаз профанов.

Абсурдность таких претензий станет ещё виднее, если мы осознаём, что вся цель теософического движения по замыслу Белой Ложи как раз в том, чтобы предложить миру для публичного пользования сведения о законах, управляющих духовным прогрессом, которые покажут, как можно достичь его ускорения. Я иногда отваживался заявить, что настоящая цель теософического движения — пополнять ряды Белой Ложи! Не ради её самой, а ради тех, кто к ней присоединится! А если перейти к более привычным формулировкам, то пристальное исследование покажет, что они фактически включены более простую, предложенную мной. Так что представление о том, что вокруг Общества нужно возводить заборы, чтобы не пускать непрошенных гостей, смехотворно, и в некотором смысле подобно противоречию в определениях.

Это не значит, что каждое собрание Теософического Общества должно быть открыто для всех желающих. В любой ложе, члены которой являются подлинными учащимися, они постепенно

овладевают объёмом информации относительно невидимых миров, которая даже для продвинутых представителей обычной культуры совершенно незнакома. Встреча таких лож, где изучение уже далеко продвинулось, очевидно, уместно делать открытыми *только для членов*, но это вовсе не значит, что они занимаются тайнами, в которые те, кто не являются членами, не должны быть допущены.

Настоящие посвящения настолько торжественны и серьёзны, что подложная серьёзность, которая одно время была принята при посвящении в члены Теософического Общества, и надеюсь, никогда не будет возвращена опять, представляет собой просто карикатуру на них, и оскорбляет хороший вкус тех, кто может быть притянут к Обществу, оценив свет, который оно проливает на подход к высшей мудрости.

Глава 3

В наш приезд в Лондон в 1881 году произошёл небольшой случай, который теперь представит интерес. В Индии мы сблизились к сэром Льюисом Пелли, занятым на какой-то важной дипломатической работе во время вице-королевства лорда Литтона. В 1881 году он уже поселился у себя дома в Англии, на Итон-сквэр, 1. Там леди Пелли как-то сказала, что хотела бы, чтобы я прочитал у них в гостиной лекцию об оккультном опыте, который у меня был. Поначалу эта идея меня поразила, так как в то время ещё не привык выступать перед аудиторией, как бы ни было мне знакомо искусство владения пером. Но всё же я выступил с лекцией перед собранием избранных и влиятельных людей — друзей сэра Льюиса и леди Пелли. У меня нет записи того, о чём я рассказал, а мои знания тогда были такими сырыми и находились на таком элементарном этапе, что подозреваю, что наговорил много такого, что теперь счёл бы чепухой, однако там не было никого, кто был бы компетентен критиковать мои высказывания, которые так или иначе были искренними. Я хорошо помню, как мистер Х.Р. Хэвейс, очень широкомыслящий священник, сидел в первом ряду и внимательно слушал. Уже гораздо позже, после того, как был опубликован «Эзотерический буддизм», я не раз выступал с лекциями в его доме, на Чейн Уолк, в Челси, но лекция у сэра Пелли представляет некий исторический интерес как самое первое выступление такого рода перед широкой публикой в Англии. Я хотел бы припомнить точную дату, но тут дневник моей жены мне не помог. Этот дневник оказался мне крайне полезен при подготовке этого рассказа. Он был начат вскоре после того, как мы поженились в 1870 году и постоянно продолжался вплоть до последней болезни моей жены в 1908 году. Он представлял собой не запись мыслей и чувств, а прямую запись событий — того, что мы делали и пережили на протяжении всех этих лет. Но во время нашего визита в Англию в 1881 году жена часть этого времени была больна и оставалась в апартаментах в Норвуде. В дневнике записано, что она делала там, но сам я в это время жил в комнатах в Лондоне, на Даун стрит, так что то, что я делал, кроме моих частых поездок в Норвуд, там не записано.

Помню, одно обстоятельство, связанное с лекциями у Пелли, имело отношение к одному тогда молодому человеку из моей аудитории с очень серьёзной склонностью к мистицизму, который вскоре после этого поехал в Индию в поисках дальнейших знаний. Его отец, как рассказал мне сэр Льюис, сказал ему однажды: «Вы знаете, что из-за вас я потерял сына?!», имея в виду эту лекцию, поскольку полагал, что она стала фактором, определившим дальнейшие действия сына. На самом деле это было не так, потому что его сын уже дружил с той небольшой группой, которая тогда составляла ядро британского Теософического Общества, и соприкасался с её ранней деятельностью. «Оккультный мир», как я уже сказал, придал этой деятельности огромный стимул, но только уже после моего возвращения в Индию в июне 1881 года я начал получать от Учителя письма, содержащие учение о человеческой эволюции, происхождении и судьбе человечества, которые в конечном счете, через год или два, снабдили меня сведениями, позволившими мне написать «Эзотерический буддизм».

По состоянию здоровья моей жене пришлось оставаться в Англии дольше, чем было возможно

мне, и я некоторое время оставался, в течение оставшихся жарких месяцев, в доме Хьюма в Симле, у которого часть этого времени гостила и Е.П. Блаватская. Это был очень бурный период, связанный, что верно, с некоторыми феноменальными явлениями, представлявшими интерес, но главным образом — с тем, что у Хьюма развилась глубокая неудовлетворённость (которую я впрочем разделял) в Е.П. Блаватской как в сотруднице в том деле, в котором мы были заняты — раскрытии миру знаний (или какой-то их части), до того бывших в исключительном владении Белой Ложи. Положение было курьёзно щекотливым. Несмотря на все свои недостатки, Блаватская была единственным каналом сообщения с оккультным миром. Поначалу наделяя её большими знаниями, чем она в действительности обладала, мы пытались извлечь из неё учения. Каждый день мы назначали время для этих усилий, и у меня до сих пор имеется рукописная книга, в которой я записывал их результаты — весьма неудовлетворительного характера. Некоторые выдержки оттуда покажут, с какими мы боролись трудностями. Мои записки были в форме вопросов и ответов; вопросы были результатом предыдущего разговора и специально формулировались нами. Например, мы спрашивали: —

«Какие бывают разные виды знания? Ответ: — Джью, и нереальное — джью-ми.»

Много времени уходило — или тратилось — на усилия произнести эти слова удовлетворительным образом.

После дальнейших расспросов нам было сказано: — «Реальное знание имеет дело с вечными истинами и первопричинами. Нереальное — лишь с иллюзорными следствиями».

Только лха, или адепты, как нам было сказано, обладают настоящим знанием. — «Лха добились совершенного соединения своей души с мировым умом ... Профан не может стать данг-ма (очищенной душой) ибо у него нет средств восприятия чхаг, происхождения или начала вещей».

И чуть дальше — «Всё в оккультной вселенной, которая охватывает все первичные причины, основано на принципах — космической энергии (фохате, или дыхании мудрости) и космическом идеализме тхьям-кам (знании вызывания), придающем импульс космической энергии в правильном направлении».

На каждом шаге мы получали новые слова, некоторые, думаю, санскритского происхождения, а некоторые — тибетского, и наши попытки придать им определённые значения были не очень успешными. Было введено слово «пуруш». Мы спросили «Должны ли мы понимать пуруш как другое название пространства, или это что-то другое, занимающее каждую часть пространства?» Ответ — «Сваямбху занимает каждую часть пространства, которое само беспредельно и вечно. Сваямбху становится пуруш, когда входит в соприкосновение с материей».

Всё это было очень неудовлетворительно и не помогало нам сделать так, чтобы теософия привлекла внимание культурных европейцев. Некоторые письма от Учителя помогли нам гораздо лучше, но тем временем трения между Хьюмом и Блаватской становились всё серьёзнее. Когда я возвращаюсь к личным разговорам с Хьюмом, которые в то время были у меня, мне представляется, что он был глубоко искренен в своем желании посвятить себя великому делу просвещения внешнего мира в плане великолепного видения наших возможностей, какими бы несовершенными они ни были, которые мог дать нам оккультный мир и его озабоченность прогрессом человечества. Но не было двух более не подходящих друг другу натур, как его и Е.П. Блаватской. Не теряя с ней терпения до такой степени, как он, я чувствовал, что для него она была человеком, с которым нельзя работать в западном мире в одной упряжке. К тому времени мы слышали о высшем Учителе Учителя К.Х., о котором мы знали как о Старом Чохане.

Мы решили предпринять эксперимент, обратившись к нему и заявить, что чтобы сделать что-то хорошее в плане распространения теософии, нам нужно позволить работать совершенно независимо от Блаватской. С моей нынешней точки зрения оглядываясь назад я знаю, что мы предлагали принять абсурдный курс, но это привело дела к кризису. Каким бы смехотворным ни было это положение, но единственным способом отправить письмо было вручить его человеку, на

которого в нём жаловались — Е.П. Блаватской. Я помню, как пошёл её искать, обнаружив её за пианино в танцевальном зале дома Хьюма, и вручил ей письмо, которое она положила себе в карман даже на него не посмотрев. Я ушёл в комнату, где занимался своей работой, и через несколько минут ворвалась Блаватская. Она была побелевший, как мел от возбуждения. «Что я всё это время делала?» — почти взвизгнула она. Я ответил что, это дело нельзя обсуждать только нам вдвоём. Я должен разыскать Хьюма. Он пришёл, и последовала ужасная сцена. Он говорил с тщательной вежливостью, но с ледяной холодностью. Блаватская была в одном из самых яростных своих настроений.

Этот инцидент был одним из многих кризисов или поворотных точек в ранней истории — я не скажу, что Теософического Общества, — ибо на то время ещё не появилось ничего, достойного так называться — но ранней работы, предпринятой для построения Теософического Общества на непрочно заложенном за несколько лет до того фундаменте. Что бы случилось, если бы разрыва с Хьюмом удалось избежать? Он определённо был важной силой в любом предприятии, в котором участвовал. Блаватская нередко заявляла, что он был слишком властной натурой, чтобы работать даже под руководством Учителя. Думаю, что она ошибалась, и так или иначе, просто тот факт, что это привело его к отходу от теософического движения, ещё не является доказательством, что он был устранён по намерению Учителей. Их планы постоянно идут не так, иногда из-за склонности к ошибкам тех людей, с которыми им приходится работать как с агентами, и возможно, никто из связанных с их работой не расстроил больше их планов, чем сама Блаватская.

Перед только что описанным окончательным кризисом от учителя К.Х. было получено множество писем, некоторые из которых были адресованы мне, а некоторые Хьюму, и я начал собирать информацию, которая, накопившись, в конечном счёте позволила мне написать «Эзотерический буддизм». Часть этого учения была опубликована в «Теософисте» под заголовком «Фрагменты оккультной истины». Большую часть вклада внёс я на основе информации, полученной в период, который опишу чуть позже. Когда Хьюм отошёл от Блаватской, мы с ним постепенно стали уже не так близки, но моя переписка с Учителями становилась всё важнее, и Учитель Морья писал мне длинные письма в тот период, когда Учитель К.Х. был занят другим.

Моя жена вернулась в Индию в начале января 1882 года. В марте того года Блаватская пробыла у нас в Аллахабаде несколько дней, но в Симле у нас в следующие месяцы не была. Она опять была у нас в Аллахабаде в ноябре, и в тот её приезд я получил набросок, изображающий Учителя К.Х. при условиях, совершенно гарантирующих его оккультное происхождение. Я выразил желание иметь его портрет, и мне было указано оставить в гостиной лист чистой бумаги. Сделав, это я поместил его на столе, вложив в большую книгу, и на протяжении нескольких дней часто заглядывал туда, не находя никаких изменений. Однажды утром, идя на наш второй завтрак в столовую, из которой примыкающая к ней гостиная было хорошо видна, моя жена посмотрела на эту бумагу и она всё ещё была чистой. За завтраком Блаватская, которая была с нами, заметила в гостиной астрального посетителя, и закончив завтракать, мы сразу же пошли посмотреть на бумагу, и на ней был портрет, который до сих пор хранится у меня, и который в последующие годы стал знаком многим нашим друзьям-теософам.

Другим важным случаем того периода, относящимся полностью к физическому плану, было то, что мистер Раттигэн, ставший основным владельцем «Пайонира» (в результате покупки у мистера Аллена), намекнул, что больше не нуждается в моих услугах в качестве редактора. Он с самого начала проявлял сильную антипатию к моему интересу к оккультному развитию, но поскольку это не моя личная биография, хотя ранняя история Теософического Общества так тесно связана с моей женой и мною, я должен сказать лишь ещё несколько слов на эту тему, так что некоторые личные объяснения и были необходимы, мне понадобится сказать лишь ещё несколько слов на эту тему — если бы не моя связь с теософией, то в этот период моей работе в «Пайонире» ничто бы не помешало. Между мной и новыми владельцами были кое-какие трения, но мои литературные успехи стали настолько очевидны, что таких трений, как эти, было бы недостаточно для разрыва связей. Но мы с женой опять же стали уставать от индийской жизни и хотели вернуться назад в Англию. Нам представлялось вполне возможным, что наши накопления, сделанные тогда в Индии,

плюс журналистская работа дома позволили бы нам жить там с умеренным комфортом, так что мы стали подумывать о моей отставке с поста редактора «Пайонира», и были уже склонны к этому шагу. Потому расставание не стало ни напряжённым, ни недружественным, и в течение многих лет после моего возвращения в Англию я продолжал писать разнообразные статьи для этой газеты в Индии.

Наконец, в феврале 1883 года мы покинули Аллахабад, а по пути домой провели несколько дней у Блаватской в Адьяре. В своём дневнике Олкотт позже описал, как приобрёл в этом месте здание, с тех пор ставшее штаб-квартирой Теософического общества, которое уже хорошо обосновалось в Индии, хотя было ещё совсем в зародыше в западном мире. Покупку удалось совершить на очень выгодных условиях, это соответствовало примерно 600 фунтам на английские деньги. Отчасти они были получены в дар от богатого индийского друга, а остальные взяты в долг, который гарантировал тот же друг и ещё один; долг был возвращён в течение года благодаря средствам, собранным по подписке. Прибыв туда в марте, мы нашли Старую Даму расположившейся там с большим комфортом, и с обычной для неё выразительностью она заверила нас, что собирается прожить там до конца жизни. Европейцам, — заявила она, — никогда не понять теософии. Её работа — в Индии.

Я тогда уже начал писать «Эзотерический буддизм» и продолжал работать над ним во время нашего пребывания в Адьяре. И хотя я больше не искал оккультных феноменов, благодаря обстоятельствам некоторые произошли, и я опишу в каком-то отношении самый поразительный из них. Я писал в комнате, доступной для этой цели, и продолжая это, делал заметки, какие вопросы нужно задать Учителю. Однажды утром вошла моя жена, и я попросил её взять лист с вопросами заметками, которые были тогда готовы, и вручить их С.Д. для передачи. Она сделала это, а потом рассказала, что произошло. С.Д. была за своим письменным столом. На противоположной стене комнаты висел небольшой шкафчик два или три фута длиной в каждую сторону, подарок индийского почитателя. Это был небольшой узорчатый предмет мебели. Блаватская уже пользовалась им для хранения каких-то реликвий, свидетельствовавших о её пребывании у Учителей в Тибете, и она и другие домашние приобрели обыкновение называть его «святилищем».

Когда моя жена предложила Блаватской мою бумагу с заметками, та просто сказала — не вставая — «Положи её в святилище», что она и сделала, и села на диван рядом со столом Блаватской, продолжая с ней разговаривать около пяти или десяти минут. Затем Блаватская сказала: «Думаю, что он уже послал вам ответ». Моя жена подошла к святилищу, открыла его и обнаружила на моём листе бумаги с вопросами ответ Учителя. Этот небольшой случай в то время для нас был не удивителен. К тому времени у нас уже был большой опыт подобных явлений, но гораздо позже это *Святилище*, так сказать, обвинили в том, что оно было реквизитом — устройством, использовавшимся Блаватской в целях обмана, так что только что описанный опыт, один из множества других подобных, поможет рассеять это заблуждение.

Глава 4

Мы с женой прибыли в Лондон в апреле 1883 года, и события, связанные с молодым Теософическим Обществом, стали быстро развиваться. Я уже некоторое время состоял в переписке с мистером Мэсси, и отправил ему «Фрагменты», как только они появились, и новая вспышка учения и информации заинтересовали не только его, но и группу его друзей, занятых тогда основанием Общества Психических Исследований. Меня сразу же познакомили с этой группой, а именно с м-ром Фредериком Маерсом, м-ром Гёрни и профессором Сиджвиком, и я был очень сердечно принят ими и другими. К тому времени в Теософическое Общество вступили Анна Кингсфорд и Э. Мэйтлэнд, и на собрании, проведённом 7 января 1883 г., д-р Кингсфорд была избрана президентом, а список членов на каждом собрании пополнялся новыми именами.

Теперь заметную роль в нашей работе стала играть мисс Франческа Арундэйл. Они с матерью

жили в Ноттинг Хилле, Элджин Кресент, и поскольку мы с женой ещё постоянно не поселились, их дом стал постоянным местом неформальных встреч самых любознательных членов молодого Общества. Куда бы мы ни отправлялись, быстро заводя новые знакомства в Лондоне, вокруг нас собирались интересующиеся. К тому времени у Общества уже был совет, и его собрания записывались в книге протоколов. По ней можно видеть, что 6 мая я уже присутствовал на таком собрании, и председательствовал на по-видимому последовавшем за ним собрании членов в тот же день, обратившись к ним с выступлением о происхождении и перспективах нашего общества. Тогда ещё было в обычае, чтобы все присутствующие на собраниях подписывались в книге протоколов, но по мере роста числа членов это сочли слишком неудобным и эту практику отбросили.

Важное собрание прошло 3 июня в комнатах м-ра Мэсси, в Алберт-мэншнс, на Виктория-стрит, где среди многих других в члены был должным образом принят Фредерик Маерс. По желанию А. Кингсфорд решили, что это отделение Общества в будущем будет называться Лондонский Ложей Теософического Общества, и что секретаря следует попросить написать президенту, полковнику Олкотту, сообщив об этом решении и предложив это в качестве прецедента для принятия других отделений.

11 июня или около того был опубликован «Эзотерический буддизм», сразу же став предметом изучения на собраниях Общества.

Будучи познакомлен с мистером Маерсом, я стал часто посещать миссис Теннантс (Ричмонд-террэс, Уайтхолл), а из этого центра интерес к теософии стал распространяться по лондонскому обществу в большой и очень примечательной степени.

Мистер Сэм Уорд, известный среди своих близких друзей, которые были весьма многочисленными, как Дядя Сэм, вступил в Общество и стал ревностным работником для нашего дела помимо того, что стал нам добрым другом.

В августе мы отправились в длительную поездку по континенту, в ходе которой познакомились с семьёй Гебхардов в Эльберфельде. Они сыграли в последующих событиях такую важную роль, что я должен объяснить это полнее. Миссис Гебхард, хотя и будучи англичанкой по рождению, но вышедшая замуж за немца, глубоко интересовалась оккультизмом. Она познакомилась с Элифасом Леви ещё задолго до нас и принимала его в Эльберфельде. Она приезжала в Лондон, услышав о нашем прибытии в 1883 году, чтобы познакомиться с нами, и вступила в Теософическое Общество. Она приглашала нас побыстрее приехать к ней в Эльберфельд, но мы были не склонны делать этого, не зная других членов её большой семьи.

Но поскольку в ходе своей поездки мы в любом случае проезжали через Кёльн, мы согласились отклониться от маршрута и нанести визит в Эльберфельд, поскольку условия легко позволяли нам быстро заехать туда, если бы мы захотели. Дела складывались так, что нам очень понравился этот визит, мы нашли миссис Гебхард и её взрослых сыновей приятными и вежливыми людьми, и хотя ещё до нашего приезда — как мы узнали позже — её интерес к оккультизму стал объектом добродушного подтрунивания её мужа и сыновей, под нашим влиянием вся семья в конце концов стала завзятыми теософами, и наш визит туда, помимо того, что стал довольно длительным, оказался предвестником многих других, которые произошли в последующие годы, связанные с приездом Блаватской в Европу, о чём мне придётся рассказать позже.

В начале октября мы вернулись в Лондон, и вскоре после этого у Общества начались неприятности. На собрании, состоявшемся 21-го, м-р Мэйтлэнд зачитал обращение президента (миссис Кингсфорд по какой-то причине не смогла присутствовать), и его тон был глубоко оскорбительным для большинства присутствовавших. Похоже, оно отчасти содержало нападки на мою книгу «Эзотерический буддизм» и в целом было неодобрительным по отношению к восточному учению. Последовала оживлённая дискуссия, окончившаяся резолюцией, что «собрание с сожалением услышало, в каких терминах президент отозвалась о Братьях в своём вводном обращении», которая была принята 15 голосами против 4. Миссис Кингсфорд, кажется,

послала в ответ заявление в более или менее извиняющемся тоне. Оно было зачитано на собрании, проведённом 4 ноября, и неприятности на время рассеялись.

В записях за 15 декабря я вижу, что «преп. Чарлз Уэбстер Ледбитер»* был рекомендован мною к принятию в члены и проголосован остальными. Он уже познакомился со мной, навестив меня в доме, где мы тогда остановились в Роял Кресент, Ноттинг Хилл, ещё до того, как я жил в д.7 на Лэдброк Гарднз, куда мы вскоре после того переехали. Он прочитал «Эзотерический буддизм» и загорелся желанием стать регулярным челою. На нас с женой он произвёл благоприятное впечатление и стал нашим частым гостем.

* Он тоже написал воспоминания под названием «Как ко мне пришла теософия», охватывающие часть того лондонского периода. — *Прим. пер.*

Примерно в это время (или раньше, я тоже не могу установить точную дату) к своей оторопи я неожиданно получил новости из Индии, что Блаватская изменила своё намерение, объявленное нам, когда мы видели её в Адьяре, оставаться там до конца жизни, и приезжает в Англию в сопровождении Олкотта. Я чувствовал, что это будет катастрофичным, хотя и не мог предвидеть, какого рода катастрофа в конечном счёте произойдёт. Я знал, что в Лондоне теософическое движение укоренилось в таких слоях общества, которые были совсем не созвучны с личностями двух *основателей*, особенно полковника Олкотта.

Манеры Блаватской были очень грубыми, но каждый быстро мог понять, что грубость эта была напусковой — что она не была невеждой в плане обычаев утонченных манер, хотя иногда агрессивно над ними насмеялись. Более того у неё был такт, когда этого требовала ситуация, и она осознавала, как предохраниться от того, чтобы без нужды оскорбить таких англичан, которые могли бы заинтересоваться теософией. Но даже при этом её приезд можно было рассматривать как серьёзную опасность. Наш опыт знакомства её с нашими английскими друзьями в Индии не был обнадеживающим. Нужно было очень хорошо её знать, чтобы быть в состоянии игнорировать те её свойства, которые были скорее отталкивающими, чем привлекательными. Даже что касалось её способностей, после описания их мною в книге «Оккультный мир», делавших её предметом возбуждённого интереса у самых ревностных членов растущего Общества, то я знал, как легко некоторая неуклюжесть с её стороны при их демонстрации могла вызвать скорее подозрение, чем доверие. Поэтому в интересах движения было весьма желательно, чтобы она оставалась подальше от Англии. Ибо для тех, чей интерес был достаточно пылким, чтобы отправиться в Индию и на неё посмотреть, встретиться с ней было бы хорошо и правильно, если конечно их рвения окажется достаточно, чтобы выдержать это напряжение. Но я знал, что если Блаватская окажется в Лондоне среди множества людей, принадлежащих к высшим слоям общества, то жди беды.

Что же касалось Олкотта, мои беспокойства такого характера усиливались в ужасающей степени. У меня были причины очень искренне уважать характер Олкотта. Я знал его как человека, безупречно преданного делу, которое приобретало всё более первостепенную важность в моих собственных глазах, и от которого он уже никогда не отступится, но те аспекты его личности, которые были на поверхности, были того рода, что уж точно бросили бы в дрожь англичан того типа, которые возглавляли движение психических исследований и были в самых близких и сердечных отношениях с нами, принеся теософию в эту страну, и которые уже стали нашими союзниками в распространении этого нового откровения.

Я мог только протестовать. Я сделал это в письме к Учителю К.Х. (которое, конечно, должно было пройти через руки Блаватской), и на которое получил ответ, который, как благодаря последующему опыту я стал совершенно уверен, был сочинён ею самой. Она решила приехать — чтобы поучаствовать в том, что Олкотт тогда называл *бумом* теософии в Европе, или насладиться им.

31 января 1884 года мы переехали в свой новый дом на Лэдброк гарднз, 7. Уже на протяжении некоторого времени самые интересные теософические собрания у нас проходили у мисс Арундэйл на Элджин кресент, где самые серьёзные члены Общества составляли особую группу, хотя и не

выделенную какими-то особыми формальностями — одной из нас была Мэйбл Коллинз (иначе известная как миссис Кеннингэйл Кук), которая очень помогла нам в то время в наших исследованиях, поскольку была очень сенситивной и находилась под непосредственным влиянием — как я узнал позже — Учителя Иллариона. Однажды — а этот случай возник из наших разговоров о карме и Пути, — она получила от него путём диктовки через яснослышание текст на эти темы. Мы были от него под таким впечатлением, что сочли, что его не стоит держать лишь для нашего личного наставления, так что мы устроили, чтобы он был напечатан, и он был опубликован под названием, которое его невидимый автор дал этому тексту, когда передавал его нашей группе — Свет на Пути. Возможно, лишь немногие из тех многих, кто с большим почтением относится к этой небольшой книге, имеют какое-то представление об обстоятельствах, при которых она появилась.

«Свет на Пути» был не единственной диктовкой, пришедшей от Учителя Иллариона. Около того времени, или пожалуй, немного до того, Мэйбл Коллинз жила в комнатах на Аделфи террейс, откуда открывается вид на реку, и неподалеку откуда недавно был установлен обелиск Клеопатры. Её природный ясновидческий дар позволил ей увидеть, что этот большой камень часто был окружён египетскими духами как, она тогда их называла, и их процессии иногда проходили через её комнату. Одна из них настолько привлекла её внимание, что она села писать, ибо она тогда уже была писательницей и была тогда занята каким-то сборником коротких рассказов. Едва сознавая перемену, она продолжала писать, пока не обнаружила, что начала совершенно новый рассказ. Время от времени вдохновение приходило вновь, и так появилась книга, теперь знакомая всем читателям-теософам — «Идиллия белого лотоса». Её написание сопровождали интересные обстоятельства. Когда она была окончена лишь наполовину, вдохновение внезапно прекратилось. Миссис Кук не могла его вернуть, и в конце концов, чтобы работа не пропала зря, закончила её сама, взяв завершение из головы. Но когда теософическое движение уже было запущено, и она присоединилась к группе, собиравшейся у мисс Арундэйл, вдохновение возобновилось, и первоначальный автор завершил историю по-своему. Так ли иначе, «Идиллия» в том виде, как она была завершена Учителем Илларионом, вероятно, основывается на каком-то его отдалённом опыте, пережитом им в одном из прежних египетских воплощений.

Теперь, когда мы поселились на Лэдброк-гарднз, в доме с большой гостиной, вскоре его стали посещать наши друзья и друзья друзей, заинтересовавшиеся новыми течениями мысли и знаниями. Мы всегда были дома по вторникам после полудня, и дневник моей жены каждую неделю пополнялся длинными списками посетивших нас во вторник. Таким образом наше движение поначалу распространялось, как их можно в общем назвать, в высших слоях общества, и представлялось желательным, чтобы для начала оно там укоренилось, а его влиянию позволили просочиться вниз вместе со стоящим за ним авторитетом, который уже имели в обществе эти слои, вместо того, чтобы ему начинаться с низов и пробиваться наверх, если удастся. К сожалению, из-за возвращения Блаватской в Англию эта программа провалилась, как покажет летопись дальнейших событий.

До того произошло важное событие, связанное с более ранним этапом продвижения работы. Оно имело место перед началом того периода, о котором мы говорили выше, когда наш дом на Лэдброк-гарднз стал водоворотом всего движения. Обществом был организован вечер в нашу честь, состоявшийся 17 июля 1883 года в Принс-холле на Пикадилли. Присутствовало около 300 человек. Миссис Кингсфорд и я выступили с речами. Аудитория симпатизировала нам и приняла нас тепло, и вечер вполне можно описать как блестящий успех.

Шесть или восемь месяцев после этого мероприятия можно считать периодом подъёма в ранней жизни Теософического Общества в Англии. Проблемы в этот период возникали, но они не затрагивали его отношений с внешним миром. Конечно, на мою долю выпало играть заметную роль в программе этого вечера, и я был предметом более или менее доброжелательных комментариев в газетах, и в Сэтрдэй Ревью (тогда бывшей в зените своей славы), помню, была статья обо мне под названием «Махди в обществе» (в то время в Египте Махди называли лжепророка из Судана) — но все эти подшучивания только поддерживали тему в умах публики, не

давая забыть о ней, и совершенно не могли остановить рост интереса к теософии среди культурных людей.

А мои собственные отношения с лидерами Общества Психических Исследований (тогда бывшего ещё в младенческом, но многообещающем состоянии), были столь добросердечными, что казалось, что двум этим движениям было почти суждено слиться вместе. Мистер Маерс, подписывавшийся как английский член Т.О., составил ряд вопросов, возникших по содержанию «Эзотерического буддизма», и они были опубликованы в «Теософисте» вместе с длинными ответами, написанными, как я думаю, Суббой Роу,* выдающимся индийским теософом и челой Учителей.

Он, могу заметить мимоходом, был проинструктирован своим оккультным руководителем (или гуру) оказать мне помощь при подготовке этой книги, и я познакомился с ним во время нашего пребывания в Мадрасе по пути домой. Но все индийские оккультные ученики того периода были очень ревнивы по отношению к западным интересующимся. Они негодовали при той мысли, что тайные знания Востока должны просочиться и в западный мир. Конечно, они были вдвойне неправы, во-первых, предполагая, что оккультная мудрость была восточной по своему происхождению. Ибо за её источником надо вернуться к временам Атлантиды и даже ещё ранее; а во-вторых, потому что не могли осознать, что это не вред, а большая честь для Индии стать каналом в некотором смысле нового откровения. Но так или иначе, индийские ученики были ревнивы, и позже из-за такого их отношения случилось много бед. Субба Роу разделял с ними эту ревность, и делая вид, что действует по указаниям Учителя, на самом деле не оказал мне никакой помощи.**

* Вернее, Рау, но неправильное написание его фамилии так устоялось, что поздно что-то менять. — *Прим. пер.*

** Так же он позже поступил и с Е.П. Блаватской, когда его помощь требовалась при написании «Тайной доктрины». — *Прим. пер.*

Последний абзац этой статьи я несколько смущаюсь цитировать, но очевидно, что он важен для верного понимания того, что я собираюсь рассказать, — а именно, чтобы по нему можно было оценить, каким было отношение к нам лидеров О.П.И. в то время, которому я сейчас подошёл. Мистер Маерс завершает своё исследование следующим образом:

«Мы с благодарностью признаём, насколько приемлемый выбор сделали адепты, выбрав м-ра Синнета в качестве посредника между нами и ими. Они едва ли могли выбрать кого-либо, более близкого нашим западным умам, рассмотрим ли мы ясность его письменного стиля, учтивость его словесных выражений или честную искренность его убеждений.»

Статью Маерса и подробные ответы Суббы Роу любой интересующийся читатель, желающий ознакомиться с ними, найдёт в сборнике под названием «Пять лет теософии», состоящем из разных статей из ежемесячного журнала «Теософист», опубликованных в тот период.

Глава 5

Неприятности внутри Общества, о которых я упоминал выше, возникли из-за отношения, которое приняла миссис Кингсфорд. Она уже опубликовала свою весьма замечательную книгу «Совершенный путь». Она была глубоко проникнута оккультными истинами, и в сотрудничестве с мистером Мэйтлэндом миссис Кингсфорд, кажется, организовала общество под названием Герметического для изучения духовных мистерий по направлениям, намеченным в её книге. Мне представляется, — оглядываясь на то время в свете последующих событий, — что вступив в Теософическое общество незадолго до нашего возвращения из Индии, она была нацелена скорее на поглощение его Герметическим обществом, чем на следование своему обещанию, что дальнейшее учение будет происходить из восточного источника. Как бы то ни было, в первые месяцы 1884 года

она начала с неблагоприятных отзывов об «Эзотерическом буддизме».

Общество уже приняло (3 июня 1883 г.), «что эта ложа сейчас в основном посвящает себя изучению той оккультной философии, какой учат адепты из Индии, с которыми сообщался м-р Синнетт». Ни протоколы, ни моя память не доносят точно, какие слова или действия со стороны миссис Кингсфорд вызвали принятие этой декларации, но на собрании 21 октября м-р Мэйтлэнд зачитал её обращение (сама она при этом отсутствовала), которая начала серьёзно нарушать гармонию в Обществе, которая до того была совершенной. Протокол этого собрания не включает в себя обращения, а лишь заявляет, что м-р Мэйтлэнд его зачитал, и продолжает следующим образом: —

«М-р Синнетт протестовал против языка обращения, выразив сожаление и негодование по поводу того, в каких выражениях она упомянула Братьев. Ему видится, что было бы необходимо вынести резолюцию на эту тему на голосование, но прежде, чем это делать, он подождал бы, чтобы услышать мнение членов по этому вопросу.

М-р Финч выразил большое сожаление по поводу языка обращения, и чтобы дискуссия могла принять упорядоченную форму, внёс предложение, «что собрание выслушало обращение президента с сожалением»».

Последовала продолжительная дискуссия, м-р Мэйтлэнд попросил подождать, но в конце резолюция м-ра Финча была принята 15 голосами против 4.

Такие цифры, могу заметить мимоходом, не дают указания на численность Общества в то время. На каждом собрании принималось всё больше членов, но похоже, немногие участвовали в собраниях регулярно, возможно находясь под впечатлением, что они были в основном посвящены скорее делам общества, чем развитию нашего учения, которое в то время было, пожалуй, в состоянии стагнации. Иногда, когда ожидалось особо интересное собрание, количество присутствующих внезапно увеличивалось, как например, в апреле 1884 года, которое следует непосредственно описать; в протоколе записано, что присутствовало *около* 80 членов.

На собрании Общества 4 ноября Мэйтлэндом была сделана попытка (опять в отсутствие А. Кингсфорд) успокоить возбуждённые чувства, вызванные её обращением. Он зачитал письмо от неё, в котором она «отказывается от каких-либо недружественных намерений в отношении Братьев или их унижения». Принятый ею высокомерный тон с высоты нынешних знаний выглядел карикатурно нелепым и показывал, насколько она не понимала смысла движения, в котором предполагала принимать участие.

Так или иначе, действительный план Братьев божественной Иерархии тогда понимали очень несовершенно, и беды начались с распространения обращения миссис Кингсфорд в разных памфлетах, выпущенных после этого. Один её памфлет был озаглавлен «Письмо членам лондонской ложи Теософического Общества от её президента и вице-президента». В нём была разработанная в деталях и очень недоброжелательная критика (на 39 страницах) моей книги «Эзотерический буддизм». Сейчас уже не стоит рассматривать эту критику подробно. В то время она вызвала выпуск дальнейших памфлетов. Я опубликовал один ответ, а известный индийский теософ Т. Субба Роу выпустил другой, подробно разбирающий нападки миссис Кингсфорд, за ним последовал ещё один комплект от неё, «Ответ на замечания м-ра Т. Субба Роу».

Её умонастроение будет достаточно понятно, если я процитирую короткое высказывание в начале её первого письма. Она говорит: «В то время, когда я выдвинула предложение занять должность в Обществе, я была не одним из его членов, а независимым работником, внесшим свой вклад в эзотерическую религиозную науку. Мои труды по этому направлению, особенно, что касается написанной мною книги “Совершенный путь”, привлекли внимание лидеров индийского теософического движения, что вызвало ещё больше доверия к моим особым качествам как исследователя психической* науки в дополнение к определённому природному дару видения, которые позволяли бы мне вести Британское отделение и руководить им.»

* В оригинале «физической», возможно, опечатка. — *Прим. пер.*

Нам не нужно удивляться, что в то время когда она это писала, она искренне верила, что является настоящим лидером духовного откровения, которое начинало течь в мир. Учитывая прекрасные результаты её видения, которые она выдала в этой своей книге и других работах, станешь удивляться скорее сравнительно незначительному эффекту, который они произвели на общественную мысль, чем тем ожиданиям, которые у неё были. Если бы она была способна понять понимать теософию как более великое откровение, которое последует за тем предвестником, каналом которого она была, она смогла бы сыграть важную и великолепную роль в её последующем развитии. Я рад сказать, что болезненные чувства, зародившиеся в то время, поутихли, и раны наконец затянулись, так что концу её жизни мы стали совсем хорошими друзьями, хотя она так и не осознала истинного характера теософического движения. Будучи под глубоким впечатлением, что совершенно естественно, от своего соприкосновения с высшей мудростью, она не смогла увидеть в верной пропорции другие события. В начале своей болезни, оказавшейся последней, она сказала мне (или как я помню, смысл слов был примерно таким): «Я не собираюсь умирать, потому что моя работа ещё не окончена». Она не осознавала, что работа, о которой она говорила, гораздо больше по масштабам, чем та, которую можно отождествлять с любой преходящей личностью.

В начале апреля 1884 года Олкотт прибыл в Лондон, а Блаватская, которая должна была последовать за ним, ещё оставалась в Ницце и Париже. Олкотта сопровождал молодой индийский теософ по имени Мохини, который на время стал очень заметной личностью в теософическом движении. Его представили нам как челу Учителя К.Х., и он был сердечно нами принят.

7-го произошло то важное собрание Общества, о котором было упомянуто. Оно проходило в комнатах мистера Финча в Линколнс Инн, и его целью были выборы нового президента. Уже описанное выше отношение миссис Кингсфорд глубоко оскорбляло большинство членов. Похоже, она не поняла, какие чувства она вызвала и ожидала своего переизбрания. Многие члены желали, чтобы президентом стал я, но поскольку я принимал активное участие в полемике памфлетов, то я уклонился от этого, не желая, чтобы это приняло форму личного соперничества за пост президента между миссис Кингсфорд и мной. Так что я номинировал на эту должность мистера Финча.

В старой книге протоколов ход этого собрания записан несовершенно, но оно ещё достаточно свежо в моей памяти. Я должным образом выдвинул мистера Финча, и думаю что м-р Мэйтленд, пройдя аналогичную процедуру, выдвинул миссис Кингсфорд. Так ли иначе, когда произошло голосование поднятием рук (председательствовал Олкотт), голосование было практически единогласно за м-ра Финча. По моему впечатлению, м-р Мэйтленд был единственным из присутствовавших, кто проголосовал за миссис Кингсфорд, которая присутствовала сама и не выказала даже малейшего раздражения.

Мистер Финч, как я должен пояснить, был юристом, в своё время с отличием окончившим Кембридж. Он спокойно и серьёзно изучал оккультное учение, полученное нами на то время, и был одним из той группы, которая обычно собиралась у мисс Арндэйл. Как я помню, он был первым, кто заинтересовался «Светом на пути» и организовал его публикацию. Эта небольшая книжка прошла через множество изданий и была значительно дополнена примечаниями и комментариями самой Коллинз. Полагаю, что экземпляры первого издания ещё существуют, но прошло уже много лет с тех пор, как я видел его последний раз.

Возбуждение, которое вызвало собрание 7-го, вовсе не было ограничено обстоятельствами выборов. Когда всё это завершилось, и я выступал с обращением к собранию, я был прерван суматохой у двери, и тут же вся комната заметила, что прибыла Е.П. Блаватская. Я прервался и пошёл к ней её встречать. Вокруг неё собралась небольшая толпа, и одна из дам просто бросилась на колени перед знаменитой пришелицей, которую тогда проводили в переднюю часть комнаты и формально представили собранию.

Протокол этого собрания после того, как там было зафиксировано прибытие Блаватской, продолжается следующим образом: «Она предложила, что если любой из членов хочет передать ей какие-либо вопросы относительно неясных высказываний в “Разоблаченной Изиде”, она уделит им внимание, и они станут предметом объяснений в новой версии этой книги под названием “Тайная доктрина”, которую она собирается выпустить».

М-р Маерс спросил, какие документальные свидетельства можно получить из Индии касательно случаев, когда астральные призраки махатм могли видеть в разное время и в разных местах, и которые могли бы послужить Обществу Психических Исследований.

«Мадам Блаватская предоставила слово м-ру Мохини, чтобы тот сообщил информацию на эту тему, и м-р Мохини описал недавнее явление астральной фигуры одного из махатм в штаб-квартире общества в Мадрасе.

Полковник Олкотт выразил искреннюю симпатию работе Общества Психических Исследований.»

После завершения собрания Блаватская вернулась вместе с нами в Лэдброк Гарднз, где остановилась у нас на неделю. Олкотт и Мохини переехали к мисс Арундэйл, у которой они гостили некоторое время. Однако в тот раз Блаватская осталась только на неделю, а затем — как я узнаю из дневника своей жены — вернулась в Париж. Это неделя была загруженной, и посетители толпились в нашем доме в больших количествах, чем когда-либо. Из тех, кто постоянно приходил, я должен особо упомянуть графиню Вахтмайстер и двух Кийтли, особенно одного из них, м-ра Бертрама Кийтли, продолжившего много лет играть важную роль во всей теософической деятельности.

Глава 6

Несколько месяцев прошло без достойных внимания случаев, за исключением того, что мы познакомились с американкой, некоторое время занимавшей наше внимание, миссис Халловэй,^{*} замечательной ясновидящей и ученицей Учителя К.Х. Её приезд из Америки предвещали производящие впечатление истории о её психическом даре и отношениях с высшим миром; мы нашли её чрезвычайно привлекательной личностью. Сначала она гостила у мисс Арундэйл, а в июне приехала побыть и у нас. Наконец, она совершенно ненамеренно стала причиной временного непонимания между нами и мисс Арундэйл, но оно развилось и прошло гораздо позже. Поначалу, находясь у нас, она в некоторой степени была для нас связующим звеном между нами и Учителем К.Х.

^{*} Вскоре после этого в сотрудничестве с Мохини Чаттерджи ею была написана книга «Человек: фрагменты забытой истории», ставшая второй после «Эзотерического буддизма» попыткой систематического изложения теософического учения. — *Прим. пер.*

Блаватская вернулась в Лондон (в дом Арундэйлов), и в конце июня между нею и нами постепенно начались неприятные трения, но перед этим нечто большее, чем трения, нарушило весь ход теософической работы в стране, и совершенно изменило весь характер наших отношений с Обществом Психических Исследований.

30 июня стал днём катастрофы, и её несчастным автором не повезло стать полковнику Олкотту. Дневник моей жены позволяет мне точно установить дату и делает более этого — показывает, как случайность не позволила ей что-то сделать, чтобы хотя бы на время её предотвратить. Олкотт где-то раздобыл нелепую небольшую индийскую игрушку, представлявшую собою фигурку Будды, установленную на маленьких колесиках, и сделанную, если я правильно помню, из жести. Когда её возили, предполагалось, что это представляет какую-то идею, связанную с буддийским вероисповеданием, но это был в лучшем случае очень детский символ. Когда эта игрушка

приобрела дурную славу, Блаватская стала её называть «Буддой на колёсиках» Олкотта. Очевидно, моя жена хотела предупредить её, чтобы Олкотт не показывал её людям, которые бы могли счесть её безвкусицей. В её дневнике я читаю: «После обеда я пошла к Арундэйлам попытаться поговорить со С.Д. (сокращённо Старая Дама, давнее прозвище Блаватской у друзей) об Олкотте и его образе Будды, но не удалось. М-р Финч, мать Мэри и Дидо (ещё одно прозвище). Во второй половине дня миссис Х. (Халловэй) предсказывала моей матери судьбу по чашке чая.» Так что моя жена ушла, не сделав предупреждения. Если бы она могла сказать С.Д., чтобы та отныне запретила Олкотту (который был в полной её власти) играть с этой своей игрушкой, то беды, которую я собираюсь описать, можно было бы избежать, хотя возможно, лишь на сколько-то отсрочить. Как я уже говорил, ни Блаватская, ни Олкотт вовсе не были созвучны людям того типа, которые тогда проявляли интерес к теософическому движению. Олкотт особенно не гармонировал с ними до прискорбной степени, и рано или поздно это могло привести к беде. Так ли иначе вышло так, что все мы в тот вечер пошли на собрание Общества Психических Исследований, где в ходе заседания Олкотт без приглашения встал и произнес речь в своём худшем стиле, продемонстрировав своего нелепого Будду на колёсиках, чем извлёк из него максимум.

Конечно, это всех покорило. Блаватская с её быстрым психическим восприятием сразу почувствовала, что случилось что-то ужасное. Фактически, похолодание со стороны лидеров Общества Психических Исследований, начавшееся из-за неуклюжего выступления Олкотта в тот раз, шаг за шагом привело к знаменитому отчёту Ходжсона, осудившему Блаватскую как шарлатанку. Я должен буду полнее проследить ход событий, когда буду продолжать, но чувство, которое вызвало у лидеров О.П.И. неприязнь к теософии, пусть и нерациональную, фактически коренилось в том раздражении, которое у них вызвало поведение Олкотта в тот печальный вечер.

Сказать, что Блаватская была в ярости, было бы очень бледным описанием её состояния. Хотя ни она, ни Олкотт не остановились в тот раз у нас, она настояла на том, чтобы после собрания вернуться вместе с нами и Олкоттом, конечно же, чтобы дать волю своему гневу. Вчетвером мы отправились в нашу библиотеку. От переполнявших её чувств Блаватская побелела, как мел. Повышая голос сильнее, даже чем обычно, она бранила своего несчастного сотрудника в выражениях столь крепких, что я действительно начал бояться, что их станет слышно в соседнем доме, да и мне самому пришлось применить ругательство в попытках умирить её гнев, которому, тем не менее, я мог только посочувствовать. Не думаю, что Олкотт даже понимал суть и характер своего возмутительного проступка. Он ходил туда-сюда по комнате, время от времени делая бессмысленные замечания. «Чего вы хотите, — спросил он, — Вы хотите, чтобы я покончил самоубийством?».

Самые большие пожары когда-нибудь затухают. Наконец, наши несчастные посетители ушли.

Некоторые даже смертельные яды оказывают действие медленно. Некоторое время после этого потрясения дела шли своим чередом. Я выступал с лекциями в разных местах, а в своём доме мы давали большие вечерние приёмы, где выступали с речами Мохини и другие. Частым посетителем в нашем доме был Ч. Ледбитер. Он давно познакомился с нами и задолго до этого, в 1883 г., вступил в Теософическое общество. Он носил в то время церковную одежду, будучи приходским священником в одном из приходов в Хэмпшире. Я предупредил его, что среди нас ему придётся слышать дискуссии, которыми священник может быть поражён, но он сказал, что нет проблем, и скоро стал нашим частым гостем.

По плачевному стечению обстоятельств как раз примерно во время злосчастного выступления Олкотта на собрании О.П.И. наше Общество планировало провести новый вечер в честь себя и Е.П. Блаватской.

Вечером 6 июля у нас была беседа с Учителем К.Х. через миссис Халловэй. В тот раз он действительно завладел ею и говорил с нами от первого лица. До того она просто слышала это в сознании и повторяла всё им сказанное. Я хорошо помню этот разговор, находя его дату по дневнику. Думаю, идея была в том, чтобы утешить нас и поддержать наш дух в виду трудностей,

которые виделись неминуемыми. И ситуация ещё усложнилась из-за ярости С.Д., согласно дневнику.

Такие взрывы гнева стали столь частыми, что со временем мои воспоминания о каждом из них перепутываются, но очевидно, она ревновала к миссис Халловэй и гневаясь на неё за то, что та стала для нас независимым от неё каналом связи с учителем. Она настаивала на том, чтобы м-с Халловэй уехала от нас и вернулась к Арундэйлам.

Я не был склонен принимать активное участие в будущем вечере, из-за которого появилось письмо как бы от Учителя ко мне с предупреждением в почти угрожающем тоне (крайне непохожем на его обычное отношение) не упустить случая поддержать Блаватскую. Тогда я усомнился в аутентичности письма, а скоро стал и совсем убеждён в том, что оно было изготовлено С.Д. Однако на время она добивалась своего. М-с Халловэй испуганно подчинилась и вернулась к Арундэйлам. Она получила (подложное) письмо, по-видимому, от К.Х., приказывающее ей оставаться там, и заявляющее, что мы были обмануты, что она просто медиум и видела ложно.

День ото дня положение ухудшалось, вместо того, чтобы меняться к лучшему. Мы постоянно обменивались письмами с Арундэйлами, теперь совсем оказавшимися под полным влиянием Блаватской. Имя и почерк Учителя использовались не раз, почём зря, и в дневнике жены за 16-е я нахожу, что мы почувствовали, что «наши занятия теософией приближаются к своему концу». Конечно, в тот период Блаватская чуть не вызвала их крушение.

На следующее утро нас навестила м-с Халловэй и сказала, что «готова бросить всё это дело с отвращением», но тем не менее позволила событиям плыть по течению, а С.Д. удалось на время овладеть ситуацией. Вечер 21-го состоялся, как следовало, собрание было очень большим и в общественном плане блестящим). Меня вовлекли в участие в нём во многом против моей склонности, и неудивительно, что в дневнике жены я читаю: «Перси не выступил на своём обычном уровне». Это празднование было вершиной успеха Блаватской, результатом достойного сожаления поведения с её стороны в то время, но оглядываясь назад из этих лет и зная, что быстро приближалась огромная катастрофа, главное впечатление от всего этого было печальным. Если бы она довольствовалась тем, чтобы тихо оставаться в Адьяре, удовлетворённо зная, что работа, в запуске которой она сыграла такую важную роль, продвигается хорошо, заговор по её ниспровержению никогда бы не был запущен в действие.

В конце она бы была увенчана славой великого оккультиста и мага, а энтузиасты совершали бы паломничества к ней в Индию, чтобы уже никогда не быть разочарованными. Но она поехала в Европу купаться в лучах славы и преклонения, и из-за ужасной кармы этой ошибки осталась в памяти большинства мира запятнанной незаслуженным позором. Верно, что за тридцать лет возникли новые поколения теософов, и чем больше проходит времени с того, как она была низвергнута, тем больше её добрая память оказывается восстановлена в глазах всё более значительного большинства людей, а расследование и заключение Общества Психических Исследований о ней забудется или будет просто игнорироваться, как оно того заслуживает, но сейчас моя задача — записать действительные факты, связанные с ранней историей Теософического Общества в нашей стране и проследить ход деятельности О.П.И., когда предводители этого общества после оплошности Олкотта, похоже, захотели избавиться от связи с теософами, которая могла бы дискредитировать их предприятие в глазах общества.

В мае — за месяц до собрания 20 июня — предводители тогда ещё дружественного О.П.И. уже назначили комитет, чтобы «расследовать свидетельства удивительных явлений, предложенных некоторыми членами Теософического Общества». Заседания этого комитета не фиксировались в журнале, издаваемом О.П.И., но распространялись в частном порядке. Поначалу Комитет склонялся верить в то, что феномены настоящие, поскольку опрошенными свидетелями были Олкотт, я, Мохини, и двое других, все находившиеся под их глубоким впечатлением и верившие в них. Но уже вскоре записи стали отражать изменившееся настроение комитета. В обзоре его отчёта, опубликованном в Трудах Общества за более позднюю дату, мы читаем: «В целом (хотя и с

некоторыми серьёзными оговорками) представляется, что нельзя отвергать, что уже достаточно улик, по крайней мере касательно части притязаний, которые в точке, уже достигнутой расследованием Общества Психических исследований, сохраняя последовательность, невозможно игнорировать. И представляется ясным, что для вынесения какого-либо более определенного суждения почти необходимо проживание в Индии в течение нескольких месяцев какого-либо доверенного наблюдателя». В результате этого решения м-р Ричард Ходжсон в ноябре 1884 года отправился в Индию, и вернулся оттуда в апреле 1885 года.

Результаты этой его поездки упомянуты в Журнале за апрель 1885 года. Примечание в этом выпуске гласит: «Он уже, как мы понимаем, на пути обратно и уже отправил домой значительный объем документов... Дополнительные свидетельства по большей части говорят не в пользу подлинности феноменов, и м-р Ходжсон склоняет нас к мнению, что эти предполагаемые чудеса следует полностью отнести на счёт обмана».

Поскольку пребывание м-ра Ходжсона в Индии заняло несколько месяцев, то очевидно, что первоначальное решение комитета, по которому он туда отправился, должно было быть принято вскоре после того собрания, на котором выступил Олкотт, но похоже, тот совершенно не подозревал, какими чувствами оно было вызвано. В третьем томе своих «Листов старого дневника» он совершенно не упоминает бурной сцены с Блаватской, хотя его рассказ охватывает этот период, но демонстрирует трогательное непонимание изменения чувств со стороны лидеров О.П.И., которое привело к важной перемене их отношения. Он пишет: «Между нами и О.П.И. произошло знакомство; с нашей стороны была полная сердечность и дружелюбие без всяких подозрений, и по видимому, такая же симпатия была и с их стороны, были приятные встречи в домах их предводителей, и наконец, было моё согласие быть опрошенным комитетом О.П.И. Небо было чистым, голубым, без малейшего облачка, которое могло бы указывать на ураган, готовящийся для нас».

Общее собрание О.П.И. (членами которого уже были и я, и многие из моих друзей-теософов) состоялось 29 мая 1885 года, и на нём присутствовал м-р Ходжсон. Его полный отчёт о результатах его миссии в Индии ещё не был опубликован, но он представил собранию краткое изложение своих заключений, которые в общем сводились к тому, что «теософские феномены составляли часть системы обмана, устроенного мадам Блаватской с помощью Куломбов и некоторых других сообщников, и никакие из этих явлений не были подлинными».

Сам я был в то время за границей, но последовала оживлённая дискуссия, а вскоре после этого появился знаменитый Отчёт. Этот объемистый документ посвящён направлениям расследования, в особенности, касающимся некоторых писем, предположительно от Блаватской к мадам Куломб (некоторые из них к мсье Куломбу), которая передала (или продала) их Журналу Мадрасского Христианского Колледжа. Они были опубликованы в его выпуске за сентябрь 1884 года. Если бы они были на самом деле написаны Е.П. Блаватской, то несомненно бы доказывали, что она виновна в устройстве вместе с мсье и мадам Куломб поддельных феноменов.

Эксперты объявили, что почерк был Е.П. Блаватской. Она же заявила, что эти письма были подделаны в том, что касается высказываний, относящихся к предмету обвинения. Отчёт Ходжсона также подробно распространяется об истории и обвинениях, связанных так называемым «святилищем», о котором я упоминал, когда рассказывал, как мы с женой посетили Адьяр по пути домой из Индии. В отчёте также обсуждаются мои собственные заявления, сделанные в рамках дачи свидетельских показаний комитету О.П.И. и в моей книге «Оккультный мир», а также разбираются заявления других авторов касательно их опыта с оккультными явлениями.

Критика этого отчёта настолько утяжелила бы этот рассказ, что понадобился бы отдельный том, посвящённый этой задаче. Во время публикации он породил множество споров и поток противоречивых мнений. Я ответил на все его части, которые были посвящены моим собственным книгам и заявлениям в памфлете под названием «Феномены Оккультного мира и Общество Психических Исследований», с которым ещё можно свериться. Это вызвало ответ уже в свою

очередь от Ходжсона, и в результате мнения по всей этой теме сильно разделились. Теософы в общем принимали заверения Блаватской, что письма были частично подделаны, и смеялись над выводами Ходжсона, основанными на гипотезе о её неограниченных умениях в организации устройств для фокусов и возможности объяснить часть явлений надувательством. Лидеры О.П.И., с другой стороны, признали взгляды Ходжсона в качестве окончательных выводов, и тот комитет, который был первоначально создан в мае 1884 года, комментируя его отчёт, заявил: «Со своей стороны мы считаем её (Блаватскую) ни рупором тайных мудрецов, ни просто обычной авантюристкой; мы считаем, что она заслужила такого титула, чтобы её вечно помнили, как одну из самых успешных, изобретательных и интересных мошенниц в истории».

Сейчас, когда я пишу это в 1918 году, более чем через тридцать лет после бурных споров, бушевавших вокруг отчёта Ходжсона, я осознаю, каким глубоким было непонимание, разделявшее тогда обе стороны спора. Ни один верный словесный портрет, описывающий эту чудесно разностороннюю личность, которую мы называли мадам Блаватской, никогда еще не был опубликован, и я не могу даже претендовать на то, чтобы попытаться дать исчерпывающе полное описание. Набросать что-либо, хотя бы приблизительно напоминающее такой портрет, потребовало бы принятия как простых фактов тех таинственных возможностей в человеческой жизни, которых не смог бы понять никто, кроме тех, кто глубоко погружён в исследования сверхфизического. Я занят сейчас написанием истории внешних событий, связанных с происхождением и развитием Теософического Общества, а не с оккультной наукой жизни и касающихся воплощённого и развоплощённого сознания, одержания, психических способностей, и сложностей уяснения духовных представлений добра и зла, или иными словами, борьбы между божественными и сатанинскими силами.

Но если полностью упускать из виду все мысли этого порядка и рассматривать действия Блаватской только на обыденном плане физической мысли, то мы, знавшие её лучше всего, поражались необычайными контрастами в её поведении в разные периоды. Что касается оккультных феноменов, то опыт, частично описанный мною в «Оккультном мире», совершенно меня убедил, что она обладала властью над материей, совершенно затмевавшей все способности обычных людей, как бы те ни были глубоко сведущи в науке. Но со временем я стал столь же уверен, что иногда она опускалась в подобных вещах и до простого обмана. Вот каким образом Ходжсон был введён в столь печальное заблуждение. То, что она иногда использовала супругов Куломб как сообщников в фокусах, неприятный, хотя и трудно понятный факт. Она делала так даже со мной. Например, по моём возвращении в Индию после издания «Оккультного мира», когда она уже знала, что я не только был глубоко убеждён в том, что она владела магическими силами, но и был в контакте с Учителями и был предан делу теософии, она использовала Куломбов, чтобы подбросить мне письмо от Учителя через трещину в стропилах наверху, в попытке меня убедить, что оно было заброшено самим Учителем — материализовалась там после передачи оккультным способом из Тибета. Мсье Куломб сказал Ходжсону, что это он был использован в этом случае, и его заявление соответствовало мельчайшим подробностям этого инцидента. У меня нет в этом сомнений.

Для пользы тех моих читателей, кто может хотя бы частично понять тонкости сверхфизической жизни, я могу объяснить, почему я имею причину верить объяснению, которое дала Блаватская этому смехотворному инциденту. Сама она — её истинное Я — была в то время вне тела и где-то далеко, и пренебрегла мерами предосторожности, которые была в состоянии принять, чтобы предотвратить вторжение посторонних личностей. Так её тело было захвачено и управлялось в тот момент каким-то злым существом, устроившим поддельный феномен, чтобы зародить недоверие к ней, а возможно и отвратить меня от неё. На первый взгляд это может выглядеть объяснением случившегося, но не оправданием. Её пренебрежение мерами безопасности, защищающими от такого вторжения, представляется непростительным. С другой стороны, в то время, и вообще очень часто, из-за своих психических способностей, она ощущала, что находится среди бури бушующих вокруг неё сил — нападения тёмных сил были непрерывными, а Белая Ложа сопротивлялась им, и в этом водовороте сталкивающихся сил было простительно иногда терять голову, если использовать знакомое и уместное выражение.

В ходе полемики, затеянной Ходжсоном, один из авторов, писавших от О.П.И., замечает что никто, на самом деле обладающий чудесными способностями, приписываемыми Блаватской, никогда не стал бы опускаться до банального обмана, а Блаватская иногда это делала, потому она не могла быть настоящим магом. Так что вся её деятельность была мошеннической, что и следовало доказать. Психология доказательства тут подводит. Блаватская в одно время вела себя так, как если бы была одним человеком, а в другое — другим! Её не объяснить любым обычным процессом доказательства.

Если бы Ходжсон достоверно не убедился, что она иногда обманывала, то никогда бы не убедил себя в любой из этих излишне сложных и невероятных гипотез, требующих реквизита иллюзионистов и ловкости рук, к которым он прибегал для дискредитации тех феноменов, которые были на самом деле настоящими. Так что никто не может прийти к здравым заключениям относительно её, собирая свидетельства о ней. Только имея такой близкий опыт общения с ней, какой мы с женой приобрели за время её частых и долгих приездов к нам в Аллахабад и Симлу, и после болезненного опыта её поведения в Лондоне в 1884-85 г. мы смогли прийти к тому пониманию её сложной природы, благодаря которому остались её сторонниками на протяжении всех нападок О.П.И. и стали в тоже время недовольны ею в такой степени, что её слепые почитатели в свою очередь к нам охладели.

Для дальнейшего объяснения этой горькой правды, что Блаватская иногда спускалась до трюкачества, когда обстоятельства нисколько на это не соблазняли, я должен описать здесь случай, имевший место за несколько месяцев до публикации отчёта Ходжсона и никоим образом не спровоцированный им. В книге протоколов Общества я вижу, что на собрании, состоявшемся в июле 1884 года, президент (тогда м-р Финч) с сожалением объявил, что м-р Ч.К. Мэсси вышел из членов Теософического Общества. Тогда он не объяснил мне его мотивов, но я вижу их описание в Трудах О.П.И. (т. III, с. 397).

В 1879 году, когда Блаватская приезжала через Лондон по пути в Индию, он выразил ей своё желание получить доказательство существования адептов. Позже, когда она достигла Индии, он обнаружил в книге протоколов Общества адресованное ему письмо, из которого явствовало, что оно исходит от одного из братьев-адептов. В то время он полностью верил, что письмо было доставлено туда, где он его нашёл, самим автором оккультными средствами. Позже ему показали письмо, написанное Блаватской из Индии одному из членов Общества, которая была хорошо известна как медиум.

Это и другие письма на ту же тему полностью приводятся в Трудах О.П.И., но слишком длинны, чтобы полностью цитировать их здесь. К первому Блаватская прилагает письмо от Брата и просит свою подругу медиума как-нибудь передать его таинственным способом м-ру Мэсси. «Положите его ему в карман или в какое-нибудь еще более загадочное место». Далее следует предупреждение, чтобы дама, которой было адресовано письмо, была внимательна, чтобы Мэсси не заподозрил её или её мужа (в опубликованном письме она была обозначена инициалом, но Мэсси сказал мне, кто имеется в виду) в соучастии. Мэсси это было глубоко отвратительно, но некоторое время он раздумывал об этом инциденте, никому не говоря об этом. В конце концов он написал об этом Блаватской и получил в ответ от неё длинное письмо (оно напечатано в Трудах). Она признаёт, что сама это устроила, но утверждает, что письмо от Учителя было подлинным, а потому что значит остальное! «То, что я в этом ничего не видела тогда, как не вижу ничего ужасного в этом сейчас, лишь доказывает, что я не получала своего образования в Лондоне, и что наши взгляды на достойное и бесчестное различаются».

О том, что м-р Мэсси позволил своему разочарованию в Блаватской побудить его к выходу из Теософического Общества, можно только очень пожалеть. Недостатки Блаватской и угловатости её характера не меняют того факта, что благодаря её посредничеству была поднята завеса, ранее полностью скрывавшая из виду оккультный мир — в том, что касалось мира в целом. Нас с женой долгое время будоражил её странно разнообразный характер, но мы достигли того умонастроения и знания, которые позволили нам видеть за ней тех, кто из-за недостатка лучшего агента приняли

её со всеми её недостатками в качестве посредника, который был должен сделать известным для нас их существование. Позже в том, что касалось нас, эту работу приняли посредники более удовлетворительного характера, но никто из них не был бы в состоянии сделать то, что сделала в самом начале Е.П. Блаватская.

По мере распространения нашего великого движения всё больше людей постоянно спрашивали — почему Учителя выбрали для себя такого неудовлетворительного представителя, как Е.П. Блаватская? Было бы только честно точно так же признать, что столь же многие, впечатлённые прекрасными элементами её характера, смотрели на неё с чувством, напоминающим поклонение, но ответ на вопрос, задававшийся теми, кто не были столь впечатлены, был просто таков — лучшего посредника найти не могли. Были существенно важны некоторые качества. Нужен был человек, лично знакомый с некоторыми из Учителей, чтобы стать связующим звеном между ними и внешним миром. Он должен был владеть психическими способностями, которые могли бы поддерживать его в контакте с Учителями, где бы во внешнем мире он ни находился. Непременным условием была абсолютная верность Божественной Иерархии. Кроме того, у требуемого человека должны были быть способности, равно как он должен был быть в состоянии справиться с предвиденными чрезвычайными ситуациями. Найти все эти качества вместе — непростая задача. В последующие годы я узнал, что поиск по всему миру не позволил найти все их совмещёнными в каком-либо Я, согласном приняться за эту работу — за исключением того Я, которое известно нам как Е.П. Блаватская. К сожалению, в её случае эти свойства оказались совмещены с чертами характера, печально не созвучными с более благородными чертами, так что, — как я нередко ей говорил — она могла отправиться творить добро, и 90% этого отменить, вернув к прежнему положению дел, из-за какой-нибудь своей прискорбной ошибки. Оглядываясь назад на свои занятия теософией, я удивлялся, что учитывая свою близость с Блаватской, как мы с женой не сошли с рельсов и не бросили всё это дело ещё на раннем этапе, как произошло в печальном случае Ч.К. Мэсси.

Для нас стал мучительным испытанием случай, произошедший за несколько месяцев до разоблачений из отчёта Ходжсона. Мы приятно сблизились в семье Гебхардов в Эльберфельде. Некоторые из них посетили Лондон, познакомившись с Блаватской, Арундэйлами, миссис Халловэй и другими из основной группы теософов, и пригласили довольно большую их компанию, включая Блаватскую и Халловэй, к себе в Эльберфельд на отпускное время в августе 1884 г. Уже было почти само собой разумеющимся, что мы с женой в это время тоже посетим Эльберфельд во время поездки на континент, которую мы в тот период позволяли себе совершать каждый год. К нашему огромному удивлению и к своему глубокому огорчению г-жа Гебхард тогда известила нас, что Блаватская дала указания в этот год нас не приглашать. В тот период Блаватская остановилась у Арундэйлов, которые были среди тех, кого она полностью подчинила своей властной личности.

Я не буду пытаться анализировать те мотивы, из-за которых Блаватская желала во время своего визита к Гебхардам держать нас подальше от них. Их легко можно угадать. Мы были несколько раздражены, но это никоим образом не помешало нам насладиться поездкой в Швейцарию. К её концу мы получили телеграмму от м-с Халловэй, находившейся в Эльберфельде, с просьбой после всего туда приехать. Мы вовсе не были к этому расположены при тех обстоятельствах и ответили соответственно. На нас посыпались телеграммы и от м-с Халловэй, и от м-с Гебхард. Нас уверяли, что прося приехать, они действуют по желанию Учителя. В конце концов мы уступили и сделали так. Развивалась любопытная ситуация, хотя я никогда не мог её полностью понять. Блаватская, как я понял, была в одном из худших своих настроений, и должно быть, каким-то образом попала в немилость у высших сил, раз Учителя посылали сообщения через её голову, не уведомляя её, через м-с Халловэй, чьё психическое состояние позволяло им работать с ней таким образом. Письмо, направленное мне совершенно без ведома Блаватской, пришло таким образом, и оно показывало, что я там был определённо нужен, хотя и не проясняло вполне ситуацию. Я воображаю, что Блаватская каким-то образом попала под плохие влияния, которые иногда над нею преобладали (из-за своего беспечного пренебрежения предосторожностями, которые могли бы её от них предохранить), а моё присутствие могло бы избавить от некоторых рисков, но как я сказал, положение оставалось запутанным и неясным.

Как бы то ни было, Блаватской удалось определённо продлить своё пребывание сверх того срока, на который её пригласили, и когда через день или два после нашего приезда она в сопровождении м-с Халловэй и Рудольфа, одного из сыновей Гебхардов, покинула нас, собираясь во Флиссинген, и на дом опустила атмосфера огромного облегчения, но это было связано с одним забавным инцидентом. Сопровождая г-жу Гебхард, после отъезда С.Д. мы проходили через покинутые гостевые комнаты. К своему удивлению, в её комнате (оставленной в состоянии ужасного беспорядка) мы обнаружили довольно большой принадлежавший ей посылочный ящик, который она там забыла. Мы расхохотались при мысли, какую бурю С.Д. устроила бы, обнаружив, что он забыт. Г-жа Гебхард проявила героический самоконтроль, чтобы удержаться от того, чтобы проверить содержимое этого ящика. Ведь к тому времени она уже сильно сомневалась в добросовестности и благих намерениях С.Д. Она решила разумно посмотреть на ситуацию. По многим причинам она так же, как и мы, знала, что за Теософическим Обществом на самом деле стоит могущественное братство, которое мы называем Белой Ложей, и что Е.П. Блаватская действовала по их поручению. Но её недостатки как такого их агента уже стали прискорбно очевидны. Её подозревали в трюках, в использовании тибетских конвертов, каковых у неё мог иметься запас, чтобы вкладывать в них письма от Учителя, на самом деле написанные ею самой. Как бы то ни было, я рад сказать, что ящик для посылок остался в неприкосновенности.

Утро тянулось, и мы с г-жой Гебхард сидели и обедали, когда дверь открылась, и вошёл Рудольф с многозначительной улыбкой, которую мы оценили. «Если вы думаете, сказал он, — прочувствовав юмор ситуации, — что мы собираемся двигаться дальше без этого ящика, то вы ошибаетесь». Они обнаружили отсутствие этого ящика в поезде. Меры надо было принимать срочно или ещё быстрее. Блаватская настояла, что они должны выйти на ближайшей станции. Они с м-с Халловэй должны были подождать на станции, а Рудольф — вернуться в Эльберфельд за забытым ящиком. Он и м-с Халловэй подчинились. К счастью для Олкотта, его при этом не было. Будь он там, ему пришлось бы не сладко, но он, Мохини и Бертрам Кийтли, которые тоже были в этой компании, приехавшей в Эльберфельд и распределившейся по домам семьи Гебхардов, за два дня до того уехали в Лондон и Париж. Не помню, слышал ли я, сколько в результате заняла поездка во Флиссинген.

К тому времени была запущена работа Германской ложи Теософического Общества при покровительстве Гебхардов и с д-ром Хюббе-Шляйденем в качестве президента, и думаю, так и оставалось много лет; но мне было бы безнадежно пытаться проследить ход развития Общества за пределами той страны, в которой я был осведомлён об этом лично.

Глава 7

Теперь я должен вернуться к периоду, предшествовавшему появлению отчёта Ходжсона. По нашем возвращении в Лондон мы обнаружили Блаватскую вновь поселившейся у Арундэйлов, но готовившейся к возвращению в Индию. Мы дали прощальный приём в её честь. По Лондону уже ходили слухи о нападках на неё в Мадрасе со стороны Журнала Христианского Колледжа, и они начали уже оказывать влияние на людей из О.П.И., но рассматривались как враждебный план группой теософов, многие из которых 1 ноября собрались на Юстон-сквэр проводить Блаватскую в Ливерпуль, из которого она отплывала в Индию. Её среди прочих сопровождал Ч. Ледбитер, который заключил, что мог бы встать на Путь, отправившись в Индию и предоставив свои дальнейшие услуги в распоряжение Блаватской и Олкотта.

За следующие несколько месяцев, по крайней мере, у нас в Англии, ничто на поверхности событий не указывало на приближающийся шторм. Соборания нашей внутренней группы по изучению проходили приятно, и два раза, в декабре и январе, мы провели открытые встречи, чтобы могли участвовать и друзья членов, в большой комнате или зале в комнатах Куин Энн. Комнаты были наполнены людьми, и собрания были блестящими. Растущий антагонизм со стороны О.П.И. ещё не проникал общество в целом, и волна интереса к теософическому движению, похоже,

увеличивалась в размахе. Центр шторма сопровождал Блаватскую в Индию, и чтобы проследить дальнейший ход событий там, я должен обратиться к «Листам старого дневника» Олкотта.

По возвращении в Индию в декабре Блаватская полностью решила преследовать Куломбов и миссионеров в связи со статьями в Журнале Христианского Колледжа. На обратном пути она собрала в Каире (где Куломбы раньше держали гостиницу) во многом дискредитирующую их информацию, и воображала, что она обеспечит ей победу в судах. Олкотт, похоже, считал иначе: он настаивал на том, что надо подождать приближающегося съезда, на котором собрался бы специальный комитет, который рассмотрел бы вопрос и решил бы, какой принять план действий.

Он пишет: «Она беспокоилась, бушевала и настаивала на своём, но моя позиция была непоколебима, и она угрожала пойти туда сама и смыть пятна со своей репутации. Я сказал, что в таком случае уйду в отставку, и пусть нас рассудит съезд... Тогда она уступила.» Вскоре после этого был должным образом сформирован предложенный комитет, который принял решение против судебного процесса, поскольку публикация писем «была только предлогом нанести вред делу теософии». Он счёл, что эти письма «обязательно покажутся абсурдными тем, кто знаком с нашей философией и фактами, а те, кто не знакомы с этими фактами, не смогли бы изменить своё мнение, даже если бы был вынесен судебный вердикт в пользу Е.П. Блаватской» («Листы старого дневника», т. III, гл. XIV).

Аргумент этот не очень убедительный, хотя несомненно, было мудро воздержаться от того курса, который предлагала принять Блаватская. Он бы мог привести лишь к неблагоприятному результату. Блаватская всегда определённо настаивала на том, что письма были поддельными — в том, что касалось высказываний, за которые её обвиняли, — но у неё не было средств это доказать, а письма очевидно выглядели написанными её почерком. До сегодняшнего дня загадка остаётся нераскрытой — кроме как для тех, кто полагается на ясновидческие свидетельства, которые в пользу Блаватской.

Друзья скоро начали серьёзно тревожиться за её безопасность. Сама она была способна воздержаться от судебных процессов, но могла стать объектом судебных исков со стороны других. Партия Куломбов, представлявшая Журнал Христианского Колледжа, нетерпеливо ждала судебного иска, чувствуя уверенность, что несомненно одержит сенсационную победу. На съезде один факт, как пишет Олкотт, «доверительно сообщённый нам одним нашим очень уважаемым коллегой, произвёл на умы комитета глубокое впечатление. Он случайно услышал разговор между двумя влиятельными мадрасскими чиновниками о Блаватской и исках против неё. В ответ на вопрос одного из них, что же скорей всего произойдёт, другой сказал: надеюсь, она подаст иск, ведь кто это попробует, будет обречён на самую большую степень перекрестных допросов, чтобы этот чёртов обман был показан, и вовсе не невозможно, что её могут отправить на Андаманские острова».* («Листы старого дневника», т. III, там же).

* «Конечно, это равнозначно тому, что дело было решено заранее, и у Блаватской не было шансов на правосудие», — продолжает Олкотт. Данный отрывок приводится по тексту «Листов старого дневника», потому что в пересказе Синнетта он дан несколько неясно. — *Прим. пер.*

Надеявшаяся, что Блаватская подаст иск, и разочарованная в этом, враждебная партия попыталась отправить дело в суд по-другому. Они сделали так, чтобы мадам Куломб вчинила иск за клевету генералу Моргану — одному из европейских друзей Блаватской — намереваясь вызвать Блаватскую как свидетеля и таким образом подвергнуть её желаемому ими перекрёстному допросу. Ситуация несомненно была серьёзной. Её здоровье очевидно требовало организовать её возвращение в Европу. Врач, которая ухаживала за ней, дала ей справку, что возбуждение и беспокойство, которым она может подвергнуться в Мадрасе, делали её отъезд необходимым, и ей нужно было уезжать почти без предупреждения, в сопровождении служанки и своего врача, и её посадили на борт парохода компании Мессажери, направлявшегося в Неаполь. В её отсутствие иск против Морганя терял смысл и не был подан.

Она прибыла в Неаполь приблизительно в апреле 1885 года и остановилась в отеле в Торре дель Греко неподалёку. Оттуда она написала моей жене письмо в очень мрачном настроении. Этот период можно считать вершиной её неприятностей, связанных с отчётом Ходжсона. Конечно, как я сказал, этот отчёт был грубо нечестным во многих отношениях, и фактически глупым во многих своих выводах, но мир в целом принял его за чистую монету, и поначалу Блаватская не смогла осознать, какая сильная группа последователей у неё осталась несмотря на заключения, к которым пришло О.П.И.

Это длинное письмо, наряду с множеством других, написанных в основном из Вюрцбурга, куда она отправилась дальше из Торре дель Греко, ещё имеется у меня. Её продуктивность в письменных работах, писала ли она для печати или для личной переписки, была удивительна. Не приводя этого письма полностью, я достаточно из него процитирую, чтобы показать характерное для неё умонастроение, когда она столкнулась с нападками Ходжсона и тем, как они были приняты в О.П.И.

«Не боритесь за меня, моя добрая дорогая миссис Синнетт, не защищайте меня. Вы потеряете время, и вас лишь назовут сообщницей, если не хуже. Вы повредите себе, а возможно, и нашему делу, а мне ничего хорошего не сделаете. Сталь слишком глубоко вонзилась в несчастную индивидуальность, известную как Е.П.Б. Химикаты, применённые для краски клеветы, были, или скорее, являются слишком сильными, и даже сама смерть, я боюсь, никогда не отмоеет в глазах не знающих меня лично ту грязь, которой меня облили, и которая прилипла к личности вашей дорогой Старой Дамы. А, да, Старая Дама сейчас чиста с виду, благодаря заслугам своих друзей, украшения Общества, если что. Только оккультный мир владеет ключом к ситуации и истиной. Но с ним не считаются даже в штаб-квартире. Бедный полковник надёжно запер его на три ключа в глубине своего бедного слабого сердца, и пока его нет у него на языке. Реакция и преувеличение у него как обычно. Он кормил О.П.И. тем, что не могло не показаться большинству сказками, а теперь борется со мной из-за того, что я прошу не привлекать их в качестве арбитров, не иметь никаких дел с их главарями, и теперь, когда их суд привёл к такому восхитительному концу для нас, он до смерти напуган.»

Далее следует ещё больше в том же духе вместе с упоминанием случая, который я уже подробно описал, когда Олкотт влез со своим господом Буддой на колёсиках в ход судьбоносного собрания Общества Психических Исследований.

«Конечно, все вы, верящие и почитающие Учителей, не сможете счесть меня виновной, не потеряв полностью веры в них. Все, кто не чувствует расхождения между грязной ложью и обманом — даже ради блага дела — и сотрудничеством с работой для Учителей — прирождённые идиоты. Тот, кто может верить, что такие чистые и святые руки могут без чувства брезгливости братья за такой грязный инструмент, каким представляют меня, — дураки от рождения или сами способны действовать по принципу “цель оправдывает средства”... Если бы я написала хотя бы одну из этих идиотских и по существу позорных вставок, с которыми теперь демонстрируется упомянутое письмо, если бы я была виновна даже в одном намеренно устроенном обмане, особенно когда обмануты были мои самые лучшие и верные друзья, то такая, как я, не была бы достойна никакой любви. В лучшем случае — лишь жалости или вечного презрения... Есть много вещей, которые я должна была скрывать, придерживая язык — много, хотя меньше было тех, которые я позволяла без изменений быть представленными миру и в которые позволяла верить своим друзьям, но это были не наши феномены, а лишь чужие ошибки и галлюцинации, совершенно искренние преувеличения других людей. И если я это и делала, то только потому что всегда боялась повредить делу.»

Эти цитаты составляют не более четверти всего письма, но остальное — в основном более развёрнутое развитие процитированных частей. Горькие слова, касающиеся Олкотта, конечно,

были выражением минутных чувств и не должны рассматриваться как представляющие её окончательное мнение. Касаясь этого периода в своих «Листах старого дневника», Олкотт описывает её состояние как «львицы в клетке», в письме за письмом *укоряющей* его «за то, что она называла нашей трусостью и нашей поспешностью пожертвовать ею в качестве козла отпущения. Конечно, тут она была совершенно неправа, но спорить было бесполезно — она обзывала меня всеми мыслимыми грубыми словами.»

Особенно её выводили из себя некоторые изменения в форме журнала «Теософист», которые она поначалу поняла неправильно. Когда свежий номер достиг её, Олкотт писал: «Тогда она написала — “Да, я *знаю*, что обвинение вас в том, что вы убрали моё имя с «Теософиста» было всё чепуха... Давайте простим друг друга будем снисходительны к ошибкам друг друга и перестанем бороться и злословить друг на друга подобно христианским сектантам”. Учитывая, насколько односторонним было *злословие*, её возвышенный тон несколько забавен» («Листы старого дневника», т. II, с.312).

До публикации отчёта Ходжсона деятельность Лондонской ложи почти не прекращалась. В комнатах Куин Энн несколько раз провели открытые собрания, а то, которое прошло 4 марта 1885 года, отмечено в дневнике моей жены, как прошедшее при большом количестве народа, но хотя в книге протоколов ещё появлялись имена новых членов, вступивших в Общество, там также появились угрожающие признаки, указывающие на выходы из него. Со временем их становилось всё больше, но это уравнивалось приёмом многих новых членов. Работа ложи на закрытых собраниях (в отличие от открытых у Куин Энн) в значительной степени была посвящена дискуссиям, возникшим из отчёта Ходжсона — когда наконец он был опубликован — а также проблемам, возникшим из обвинений против Мохини. Над Лондонским обществом сгустились тучи, и его встречи стали проходить реже, чем раньше. Тем не менее, мы продолжали занимать комнату на втором этаже на Йорк стрит, 15, на Ковент-гардн, постоянно доступной для пользования членов, в которой было собрано немного книг. Первый этаж был занят магазином и конторой м-ра Редвэя, мелкого предпринимателя и издателя, которого я в то время, когда были средства, субсидировал, чтобы привлечь его внимание к публикациям теософического характера. Но ничем уже нельзя было эффективно остановить распад нашего Общества, когда отчёт Ходжсона создал у широкой публики общее впечатление, что всё теософическое движение является мошенническим предприятием, устроенным Е.П. Блаватской. Небольшая группа вокруг нас оставалась нетронутой неприятным влиянием этого отчёта, но на время нам пришлось оставить все надежды на дальнейший прогресс и только выжидать.

Глава 8

Е.П. Блаватская оставалась в Торре дель Греко лишь несколько месяцев, а оттуда отправилась в Вюрцбург. Она никогда не оставалась в одиночестве, и основной её опорой, на которую она могла полагаться в последующий период, была графиня Вахтмайстер, преданная забота которой о ней никогда не ослабевала. Мы с женой ездили повидаться с ней в Вюрцбург в ходе осенней поездки 1885 года. Она остановилась на Людвигштрассе, 6. Мы, конечно, отправились в гостиницу, хотя через день или два моя жена поехала пожить со ней на Людвигштрассе, тогда как я снял для себя одноместный номер в другом месте. Тогда у неё останавливалась мадам Фадеева (тётя Блаватской), а также Соловьёвы, как я выяснил из дневника. Тогда С.Д. считала Соловьёва другом, хотя позже он стал её врагом. Учитывая, каковы в некоторых отношениях были её психические способности, Е.П. Блаватская в огромном множестве случаев плачевно плохо разбиралась в людях, ошибаясь в обе стороны.

Во время нашего пребывания в Вюрцбурге мне удалось получить от неё, насколько можно, объяснения, которые могли бы пояснить несообразности в разных историях о приключениях, случившихся в её жизни, которые она рассказывала нам время от времени для новой книги, которая ещё готовилась, и которая в конце концов вышла под названием «Случаи из жизни мадам Блаватской». Нашему приезду предшествовала большая переписка по этому вопросу. Она хотела,

чтобы я, когда появился отчёт Ходжсона, сделал что-нибудь в её защиту. Единственным практическим шагом в этом направлении, который я мог бы предпринять, мне представлялась публикация её воспоминаний. Мы смутно предполагали, что после её смерти, когда бы она ни произошла, мне стоило бы написать её мемуары, и я предположил, что сделав это заранее, я бы эффективно отбросил абсурдную идею, что она была авантюристкой, сварганившей всё предприятие с теософией ради личной выгоды.

От её русских родственников я смог легко получить гарантии, касающиеся её рождения и сословного происхождения. Посоветовавшись, мы решили что «Мемуары» были бы слишком исчерпывающим названием для этой книги, и вместо этого согласились выбрать слово «Случаи». Но беда была в том, что за время долгого близкого общения между нами она рассказывала нам бесчисленные истории о своих приключениях, которые теперь мне пришлось попытаться соотнести друг с другом в связную последовательность, уделяя внимание времени и месту. А они не совпадали и в эту последовательность не хотели укладываться. Когда я начал увязывать даты, то у меня начались такие трудности, что я пришёл в отчаяние. Первоначально она нам рассказывала, когда мы впервые познакомились в Аллахабаде, что провела три года с Учителями в Тибете, но учитывая все другие эпизоды, не удавалось найти какие-то три года, проведённые так. У меня были все основания быть уверенным, что она действительно была с Учителями в Тибете — какое-то время, — но в конце концов эти три года пришлось ужать примерно в 11 месяцев. Так и с другими датами, и в дневнике моей жены упоминается про целые дни, что мы с Блаватской провели в Вюрцбурге, пытаясь прояснить эту путаницу.

В ящике, полном её писем из Вюрцбурга, я нахожу одно, касающееся «Случаев» и показывающее её отношение к нам самим, которое было тогда, я уверен, совершенно искренним, хотя позднейшие события заставляют это выглядеть совершенно иначе. Она писала:

«Мой дражайший м-р Синнетт!

Да благословят и вознаградят вас *Они* — я же лишь могу почувствовать так глубоко, как это свойственно моей натуре, что вы мои лучшие друзья, которых я оставляю в мире, и вы можете располагать мною до моего смертного часа.

Делайте, что хотите. Публикуйте Мемуары, пишите, что вы считаете лучшим и уместным. Я заранее под ними подписываюсь, и тем самым даю вам карт-бланш и уполномочиваю вас действовать от моего имени и делать, что вам будет угодно. Я уверена, что вы будете защищать дело и меня лучше, чем даже я.»

[После негодующих протестов против того, что её принимают за русскую шпионку, занимавших в письме некоторое место, она завершает его, говоря, что пишет завещание:]

«Я хочу, чтобы вы позаботились о моих бумагах и о ящике, на котором я напишу ваше имя. В нём содержатся все бумаги махатм и многие письма, полученные мною от Махатмы К.Х., указания от моего Учителя, разномы и так далее. Надеюсь, что они не попадут ни в чьи руки, кроме ваших. Издавайте, пишите, скажите мне, что делать, и я так и сделаю. Я парализованное тело — мёртвое сердце и тело. Я потеряла даже способность страдать. Ваша до последнего,
Е.П. Блаватская.»

Больше я никогда не слышал об упомянутом ящике и о завещании, хотя в то время она всегда намекала на возможность своей ранней смерти, а за шесть оставшихся лет её жизни то умонастроение, которое у неё было в Вюрцбурге, претерпело значительные изменения. Даже в том, что касалось «Случаев», она более чем разочаровалась. Поскольку их назначением в соответствии с её пожеланиями было рассеять подозрения в том, что она была русской шпионкой, я подчёркивал лояльный тон, который она всегда принимала, говоря с индийцами о британском правлении. Она предупреждала их о том, как глупо желать поменять это правление на русское, с которым плохое сменится худшим. Когда книга была опубликована, её русские родственники были глубоко

оскорблены таким тоном. Её сестра г-жа Желиховская останавливалась у неё в Остенде, и несомненно, отчитала её по поводу этой темы к её превеликому раздражению. Так или иначе, после этого она всегда называла мою книгу «эти проклятые мемуары». Поскольку я это написал по её искреннему желанию, результат получился несколько нелепым, но больше нет необходимости опять к этому возвращаться.

Всю весну 1886 года мы с женой продолжали поддерживать жизнь в нашем Обществе, а наш дом в Лэдброк-гарднз продолжал быть в значительной мере центром общественной деятельности, хотя престиж движения был серьёзно подорван. В наших протоколах за тот период упоминаются нападки на Теософическое Общество в «Санди таймс» и «Уорлд», направленные в особенности на Мохини, чьи отношения с одной дамой привели к судебному процессу, доставившему тогда огромное раздражение, но в конце оказавшемуся бесплодным.

Тем не менее, мы смогли провести ещё одно открытое собрание в комнатах Куин Энн 30 июня, которое, как я вижу из дневника жены, было многолюдным. Тем временем за последующие несколько лет рядовые собрания почти прекратились. Последняя запись в книге протоколов относится к собранию, проведённому в январе 1893 года, но к тому времени движение в этой стране приобрело совсем новый аспект, как я сейчас постараюсь объяснить.

В начале 1886 года Е.П. Блаватская переехала из Вюрцбурга в Остенд под руководством и с помощью семьи Гебхардов. Задолго до того г-жа Гебхард преодолела недоверие к С.Д., зародившееся с её приезда в Эльберфельд, который я описал. Я посетил её в Остенде в августе 1886 года и нашёл её очень занятой написанием «Тайной доктрины», работой над которой она была занята большую часть своего пребывания в Вюрцбурге. В связи с этим визитом у меня не осталось каких-то воспоминаний, представляющих особый интерес, кроме того, что я встречал мадам Желиховскую, сестру Блаватской, которая, как я думаю, в значительной мере была причиной того, что между мной и Блаватской стала расширяться пропасть. Но если оглядываться на этот визит из более позднего периода, то можно считать его последним этапом того, когда Блаватская была ещё к нам привязана и полагалась на нас. Вскоре после того её перевезли в Лондон, и для теософического движения в Англии занялся рассвет новой эры.

Группе членов лондонской ложи, из которых в этом были особенно активны два Кийтли и м-р Харботтл, пришла идея пригласить Е.П. Блаватскую вернуться в Лондон. Хотя в конечном счете результаты этого, что касается развития теософического движения, были важными и благотворными, тогда я не приветствовал эту идею. Под глубоким впечатлением от бедствий, которые последовали из её возвращения в 1884 году, меня коробило от той возможности, что её присутствие может положить начало каким-то новым неприятностям. Кийтли посоветовались со мной, но несмотря на моё неодобрение, не отступились от своей цели. У нас было специальное совещание по поводу предполагаемого приглашения — принявшего уважительную форму *петиции* к Е.П. Блаватской — в доме Арчибалда Кийтли, тогда жившего на Элджин Кресент, и моё нежелание к ней присоединиться начало создавать отчуждение между мною и продвигавшими её.

Так что лично я не был в курсе приготовлений, которые делались для осуществления этого плана. Думаю, что кто-то из этой группы поехал в Остенд к Блаватской, и очевидно, они финансировали всё это мероприятие. План чуть не сорвался из-за какой-то её временной болезни, но в конце концов она действительно приехала под их заботливым эскортом в мае 1887 года, и поначалу обосновалась в доме Норвуде, который назывался Мэйкот, снятом заботившейся о ней группой. Первое упоминание о новом положении, которое я нахожу в дневнике своей жены, было о том, что 2 мая мы узнали, что после полудня Е.П. Блаватская прибывает в Норвуд. На следующее утро я отправился увидеть её, а жена — на следующий день и «провела с ней почти три часа». Мы оба бывали у неё два или три раза за месяц, и 23 мая моя жена записала, что нашла С.Д. «полной новых идей, чтобы организовать английских теософов в группы, у каждой из которых будет свой президент».

Группа Кийтли к тому времени определилась с тем, что они создадут новую ложу, независимую от

Лондонской, которая до того была единственной признанной теософической организацией в Великобритании — и единственной в Европе, кроме Германского отделения, основанного в Эльберфельде. План быстро осуществлялся, и появилась, как её назвали, Ложа Блаватской. Я не могу описывать ход событий более подробно, потому что со мной в этом деле не советовались, но в дневнике Олкотта записано, что он получил от Блаватской письмо, датированное 25 мая 1887 года (из Мэйкота), в котором она пишет: «Четырнадцать наших лучших членов образовали теперь новую ложу, которую, несмотря на мои протесты, назвали Ложей Блаватской Т.О.» («Листы старого дневника», т.IV, с.25).

Эти протесты едва ли были очень решительными, поскольку основатели новой ложи были слишком преданы Блаватской, чтобы противиться какому-либо действительному желанию с её стороны. В некотором смысле первые дни нашего Общества, — те, в которые его историю можно было отождествлять с историей Лондонской ложи, — подошли к концу. В теософии началась новая эра, в которую был достигнут огромный прогресс, при котором время от времени бушевали бури — так, как было вовсе не необычно с деятельностью, вращавшейся вокруг Е.П. Блаватской. Одна такая — тот раз буря в стакане — имела отношения к неприятностям в Париже, связанным с отделением Общества, основанным там неким мсье Луи Драмаром, вскоре скончавшимся. Оставшиеся, похоже, расходились во мнениях по поводу управления отделением. Блаватская приняла сторону одного из конфликтующих и писала об этом в Индию такие возбуждённые письма, что Исполнительный Совет — как рассказывает нам Олкотт — «стал тревожиться за устойчивость движения на Западе» («Листы старого дневника», т.IV, с.56). Так что он считал необходимым самому приехать Европу, чтобы восстановить порядок.

Его он, похоже, добился, выпустив хартию для новой ложи, которая должна была стать независимой от той, в которой возникла буря в стакане. При этом он был недоволен участником спора, которому Блаватская была склонна покровительствовать, и это привело к яростным столкновениям между ним и Блаватской после его возвращения в Лондон. Взаимоотношения между Основателями вовсе не были всегда столь гармоничными, как обычно представляли более поздние поколения теософов. Ссоры — это не то слово, которое стоит использовать, описывая эти разногласия, поскольку гнев всегда проявляла Е.П. Блаватская. Тон Олкотта, когда он писал об этом, всегда был сдержанным и уравновешенным, как например, упоминая об основании Эзотерической Секции, которую Блаватская придумала, как она практически признавала в разговорах в то время, чтобы нейтрализовать самодержавное господство Олкотта в Обществе.

В своих «Листах старого дневника» он даёт красочный рассказ о том, до какой ярости она доходила в переписке с ним, упоминая Эзотерическую Секцию, запущенную после того, как она с комфортом обосновалась в доме на Лэнсдаун роуд, снятом для её размещения группой Кийтли. Пребывание её в Норвуде никогда не считалась более, чем временным решением. Мои читатели, которые пожелают осознать, до какой степени основатели иногда расходились во мнениях, всегда могут свериться с его дневниками Олкотта, так что мне нужно будет процитировать лишь несколько показательных высказываний. Он пишет:

«У неё вылупилась новая секция с ею самую избранной президентом... Она пишет: “Теперь смотрите сюда, Олкотт. Мне больно, очень больно, выступать на тебя с маршем, как называют это французы, и ставить тебя перед выбором. Ты скажешь, что терпеть не можешь угроз, и что они сделают тебя только более упрямым. Но это вовсе не угроза, а свершившийся факт. Тебе остаётся либо подтвердить его, либо пойти против него и объявить войну мне и моим эзотеристам. Если же признав крайнюю необходимость этого шага, ты подчинишься неотвратимой эволюции вещей, то ничего не изменится. Адыр и Европа останутся союзниками, и судя по всему, последняя, похоже, подчинится первому. Если же ты этого не утвердишь — ну что ж, тогда будут два Теософических общества, старое индийское и новое европейское, совершенно независимые друг от друга.”» (т. IV, с. 55).

Я отказался участвовать в этом предприятии, — хотя мне было предложено личное освобождение

от всех обетов, если бы я только хотя бы с виду принял эти вещи — поскольку по моему мнению это грешило против фундаментальных принципов теософии, как я её понимал. После этого разрыв между Блаватской и мной только постепенно расширялся.

Олкотт — по-видимому, в результате своих *яростных столкновений* — согласился на то, чтобы выпустить «указ в совете» (он всегда любил облекать свои действия в качестве президента в достоинство таких фраз) «образовать Эзотерическую Секцию с Е.П. Блаватской в качестве её ответственного главы».

Глава 9

В том же году, 1888, была опубликована «Тайная доктрина». К нашему удивлению, мы нашли на её начальных страницах нападки на «Эзотерический буддизм». Было представлено так, что я неправильно понял письмо Учителя, касающееся связи планет Марс и Меркурий с нашей Землёй в планетной цепи, к которой мы принадлежим. Мне было ясно объяснено, что они принадлежат к нашей цепи; Марс отстаёт от нас в эволюции, а Меркурий опережает. Но Блаватская заявила, что это было большой ошибкой.

Я воздержусь от подробного анализа тщательных попыток Блаватской оправдать свою позицию, которую она делает в продолжительном объяснении, которое последовало.

Это даёт один из самых болезненных примеров ужасно зловредных влияний, под которые она иногда попадала из-за вызывающей смятение войны враждебных и защищающих сил, постоянно бушевавший вокруг неё. Письмо от Учителя, из которого она хотела дать выдержку, было не тем, чем она его представляет, ответом на её собственные вопросы, а бессвязной версией письма, изначально адресованного мне, копия которого попала к ней при обстоятельствах, о которых можно глубоко пожалеть.

Хотя это высказывание напечатано в начальных главах «Тайной доктрины», всё оно конечно же было добавлено в период Лэнсдаун роуд, когда она была окружена страстными поклонниками, некоторые из которых, несомненно, негодовали из-за моей неохоты быть одним из них. На них она свалила всю вину, когда моя жена с негодованием обратилась к ней (забыл, в письме или устно) по поводу нападок на меня, столь смехотворно расходящихся с её прежним отношением, когда мы были почти единственными её сторонниками в вюрцбургский период. Это они сделали, чтобы она так написала!

Нашу невозмутимость относительно того, что касалось точности заявлений, сделанных в «Эзотерическом буддизме» относительно Марса и Меркурия, попытка их опровергнуть со стороны Блаватской несколько не поколебала. В этот период и на протяжении многих лет позже мы пользовались возможностью часто беседовать с Учителем К.Х. так, чтобы это тщательно скрывалось от Е.П. Блаватской; это устраивалось на высших планах самим Учителем, равно как и на низших благодаря нашей собственной тщательной секретности. Нам было сказано, что если бы она узнала о предоставленных нам личным привилегиям, её оккультные силы позволили бы ей вмешаться так, чтобы продолжение этого общения оказалось под угрозой.

Её ревность к любому, кто действовал бы в качестве посредника между Учителями и людьми на физическом плане, была столь сильна (и доводила до беды в случае миссис Халловэй, как я показал), что она не колебалась бы ни перед какими мерами, если что-то вызвало бы её неудовольствие в этом отношении. Лично Учитель заверил нас, что я не сделал никаких ошибок в этом вопросе, и хотя нападки на меня могли раздражать, мы должны были быть довольны знанием, что на самом деле правы. Так что, хотя мы испытывали мучительное искушение устроить скандал, раскрыв настоящие факты о письме, существование которого утверждалось в «Тайной доктрине», я не стал делать этого, и даже теперь говорю о подробностях этого эпизода лишь мимоходом.*

Раздражение, которое он нам доставил, со временем только росло вместо того, чтобы уменьшаться, и по мере того, как я начал получать письма со всего света, где меня спрашивали, как это я оказался столь глуп, чтобы неправильно понять учение Учителя, было уже не так легко сохранять молчание. В конце концов, после ухода Е.П. Блаватской, когда Анни Безант, благодаря расширению своих собственных знаний, определённо убедилась в том, что Марс и Меркурий принадлежат к нашей цепи с теми функциями в эволюции, с какими я первоначально их описал, она опубликовала такое заявление в «Люцифере» — журнале, созданном Е.П. Блаватской, который Безант продолжала некоторое время выпускать под тем же названием («Люцифер», т. XVII, с. 271).

* В своей автобиографии, опубликованной посмертно, Синнетт рассказывает об этом подробнее. — *Прим. пер.*

Эта заметка, возможно, и оказала эффект, примиряющий некоторых изучающих теософию с истинным учением о планетной цепи, но нелегко сразу уничтожить неправду, раз она так хорошо пошла. К тому времени, как я это пишу (1919) отзвуки нападок Блаватской на мою книгу ещё раздаются. В американском журнале «Азот» с обзором недавно опубликованного мною памфлета выражается сожаление по поводу того, что я «всё ещё виновен в осуждённой Е.П. Блаватской ереси, веря в то, что человечество пришло с Марса и направляется на Меркурий».

1889 год связан с многими важными событиями, связанными с ростом Теософического Общества, и с одним, произошедшим в самом его конце, приведшем к очень важным последствиям — возвращению в Европу Ледбитера, который сопровождал сингальского мальчика, позже ставшего очень заметной фигурой в теософском мире — К. Джинарадждасы. История того, как он попал в эту страну, на тот момент, как я это пишу, в основном неизвестная его почитателям, стоит того, чтобы её здесь описать.

После того, как Ледбитер отправился с Блаватской в Индию, он был послан Олкоттом на Цейлон, чтобы присматривать за некоторыми буддийскими школами, основанными там Олкоттом. Ледбитер поддерживал со мной переписку, и многие из его писем ясно показывают, что он очень бедствовал на этой совсем неподходящей для него работе, хотя, как я узнал потом, этот период был связан с очень большим развитием его психических способностей и с сознанием в его физическом мозге связей на высших планах с Учителем К.Х.

Наш сын тогда, в 1889 году, был двенадцатилетним мальчиком. Тот период был одним из таких, когда мы в мирском плане, похоже, процветали (наше полное разорение, которое замыслили тёмные силы, наступило позже). Нам пришлось в голову, что для сына было бы лучше, если бы его учил наставник-теософ вместо того, чтобы посылать его в обычную школу, особенно поскольку его телосложение считалась хрупким. Нам представлялось, что для этой роли в самый раз подходил Ч. Ледбитер. Мы знали его лично, и он нам нравился. Мы написали ему, предложив должность домашнего учителя. Он ответил нам трогательными письмами с благодарностью, его радовала перспектива освободиться от скудной жизни, которой он жил на Цейлоне, но на пути стояло одно большое затруднение! Учитель особо указал ему позаботиться об одном местном мальчике, в котором он — Учитель — по своим собственным причинам был очень заинтересован. Ледбитер не мог покинуть Цейлон и уехать в Англию, *не взяв этого мальчика с собой!*

Конечно, это было не самым привлекательным предложением, но мы пришли к заключению, что приняв его, мы помогли бы осуществлению каких-то планов Учителя, и после его тщательного рассмотрения согласились. В тот год мы с женой отправились провести рождество на южное побережье Англии, но получили телеграмму, извещающую о прибытии Ледбитера в Англию, и я вернулся в город на несколько дней раньше, чем собирался, чтобы его встретить. По прибытии я обнаружил, что они с цейлонским мальчиком уже расположились в нашем доме на Лэдброк-гарднз. Я могу сразу перейти к дальнейшему развитию событий в связи с этим мальчиком. С самого начала он вёл себя хорошо во всех отношениях, и в течение года или двух оставался у нас в доме.

Это соглашение было нарушено лишь тогда, когда мы совсем разорились, к чему я должен буду вернуться позже, что сделало его продолжение невыполнимым практически. В конце концов мне

удалось устроить Ледбитера в лондонский офис «Пайонира», газеты, редактором которой я был раньше в Индии, а Раджа, как мы звали его, подрастал на его попечении. По моему мнению, он не смог осуществить тот план, который был у Учителя. Он состоял в том, чтобы позволить мальчику воспользоваться благами западного образования, а потом дать ему вернуться на Цейлон, чтобы там, присоединившись к буддийскому духовенству, он мог бы что-то сделать для реформирования этой группы, тогда переживавшей сильный упадок. Но Ледбитер слишком привязался к мальчику, чтобы исполнять этот план. Постепенно с Раджей познакомились многие из наших друзей, и некоторые из них хотели и были в состоянии оказать ему помощь, в которой он нуждался, чтобы остаться в Англии и даже закончить университет. К тому времени, как он завершил своё образование, он совсем вырос и почти забыл свой родной язык, и с непреодолимой неохотой относился к тому, чтобы вернуться к обычной жизни жителей Цейлона. Так что он постепенно перешел к той деятельности, по которой и стал известен во многих частях света, — стал читать лекции и писать о теософии.

Составляя рассказ такого рода, почти невозможно сохранять хронологическую последовательность событий, которые нужно записать. Разные сюжетные линии так переплетаются между собой, что прослеживая каждую из них, бывает необходимо возвращаться назад, чтобы подхватить другие. Развитие Теософического Общества с 1889 года и далее принимало новый характер, оставивший тот, что был в его начальные дни, на заднем плане. В том году Олкотт ещё раз посетил Европу, объехав Англию, Шотландию и Ирландию, где основал много лож.

Была определённно учреждена Британская секция, а Лондонская ложа лишилась многих членов, которых перетянуло к себе окружение Блаватской, и сжалась до сравнительно небольших размеров. Мы подарили Британской секции мебель и книги, которые мы собрали в комнате на Йорк стрит, а по-настоящему важная работа, которую мы делали, стала приходиться на наших частных собраниях сначала на Лэдброк гарднз, а после этого на Лейнстер гарднз, куда мы переехали в начале 1890 года. Наш финансовый кризис приближался, но мы продолжали по вечерам проводить собрания самых верных членов Лондонской ложи, учение для которых я, или скорее мы с женой, получали тогда от Учителя через личный канал сообщения, доступный в течение предыдущих пяти лет его обсуждения и накопления.

Так в 1885 году я смог выпустить «Труды Лондонской ложи о высшем Я». Это выражение вместе с важными идеями, его окружающими, тогда впервые было введено в теософическую литературу. Вся эта тема уже давно стала такой знакомой и общеизвестной в мышлении теософов, что оглядываясь назад, может показаться странным, что большим кругом преданных поклонников, собравшихся вокруг Е.П. Блаватской, она была принята неохотно и с неприязнью. Но она никогда не потерпела бы представлений свежего учения, пришедшего через любой независимый от неё канал. Так что она старалась выискивать в новой теории о высшем Я недостатки, основывая свои возражения на использовании слова Я в каком-то восточном писании в смысле, тождественном с божественным началом во всяком сознании.*

* Вероятно, это основывалось на том, что использованное слово (англ. Self, букв. — "сам") этимологически тождественно с санскритским словом "атман"). — *Прим. пер.*

Сейчас уже вряд ли стоит проследивать подробности последовавшего спора. Следуя тому намёку, что эта тема неприятна Е.П. Блаватской, американский журнал «Пэт», который вёл У.К. Джадж, выступил с нападками на мой памфлет, который вне узкого круга изучающих в Лондонской ложе пока считался прискорбным отходом от ортодоксии, хотя постепенно учение, переданное в нём, стало считаться одним из элементарных и общеизвестных моментов теософических знаний, и теперь изучающие теософию настолько привыкли к этой идее, что едва ли осознают, что она впервые забрезжила перед нами при упомянутых мною обстоятельствах. Но несмотря на его правду и простоту, она, как я сказал, не получила любезного приёма у Е.П. Блаватской, которая, как я показывал в других случаях, неохотно приветствовала оккультную информацию, пришедшую через другие каналы. Позже, когда я в книге «Принцип действия месмеризма» попробовал истолковать некоторые из высших явлений месмеризма, мне пришлось использовать информацию,

полученную мною относительно высшего Я, а критика этой книги, исходившая от преданных последователей Е.П. Блаватской, отвергала эту теорию как расходящуюся с её учением. Я теперь упоминаю это лишь потому, что это предоставляет мне возможность показать, как прекрасно мы с женой сотрудничали во всём, что касалось нашей работы в интересах теософии. Как я говорил ранее, помощь и сочувствие моей жены, вкупе с моим более заметным вкладом в работу, имели исключительную ценность в течение всего этого предприятия, но это нечасто проявлялось публично. Однако в том случае, с которым я сейчас имею дело, эта помощь приняла публичную форму. Обзоры моей книги о месмеризме появились в журнале Блаватской «Люцифер» и журнале м-ра Джаджа «Пэт», выходившем в Америке; моя интерпретация некоторых из более тонких проявлений месмеризма требовала упоминания о высшем Я, и к ней соответственно отнеслись там презрительно. Моя жена встала на защиту моей позиции и написала статью для августовского номера «Люцифера» за 1892 г., так хорошо обоснованную и представлявшую такую тщательную подготовку, что я перепечатаваю её здесь, дабы читатели могли в некоторой мере осознать степень постижения ею учения, передать которое было нашей задачей.

После нескольких вводных слов, касающихся обзоров моей книги, она продолжала:

Уже несколько лет на тему высшего Я, первоначальные разъяснения о котором дал м-р Синнетт в «Трудах Лондонской ложи», опубликованных в 1885 году, было довольно много непонимания. Он был первым из пишущих в наше время о теософии, кто использовал это выражение, таким образом создав термин для передачи одного конкретного аспекта человеческой души, который с тех пор так много употребляли и которым так много злоупотребляли.

Слова Я, Высочайшее Я и Всевышний встречаются во многих английских переводах санскритских писаний, в частности, Упанишад, но выражение «Высшее Я», как определение индивидуализованного Я, до публикации упомянутых «Трудов», не использовалось в недавних оккультных учениях.* Во время написания вышеупомянутой работы термин «Высшее Я» показался м-ру Синнету лучшим из доступных обозначений перевоплощающихся принципов по отношению к низшей четвёрке, и есть причины для использования этого термина такие же веские, как и тогда. Потому при критике его недавней книги было бы полезнее для читателя, как несомненно и честнее по отношению к автору, если бы обозреватель принял тот смысл, который он вкладывал в термин, хотя бы и даже возражая против самой его терминологии. Тем более трудно понять, как высшее Я, как о нём говорится в «Принципе действия месмеризма», можно считать эквивалентом атмы, или мирового духа, особенно если рассматривать это вкупе с двумя предыдущими выпусками «Трудов» на эту тему, на которые ссылается, а потому должно быть читал, автор заметок в журнале «Пэт».

Е.П. Блаватская, разбирая две эти работы в «Ключе к теософии», не впадает в эту ошибку, а верно воспринимает это, говоря о высшем Я, о котором упоминает Синнетт, как о духовном или перевоплощающемся Я, а не об атме, ни о Парабрахмане, божественном или вселенском Духе.

Язык и слова сами по себе не имеют никакой ценности, если они не могут быть использованы для передачи идей, и в поддержку применения выражения «Высшее Я» как подходящего определения духовного Я человека можно привести много цитат из писаний, древних и современных.

В английских переводах вышеупомянутых санскритских трудов об Атме, Параматме, Брахме или Вселенском Духе почти неизменно говорится как о Я, высочайшем Я или о Всевышнем, но никогда как о Высшем Я [более высоком, чем обыденное].**

В переводе Бхагавад-гиты Теланга находим следующие слова:

«В мире есть два рода существ, разрушимые и нерушимые. Разрушимое включает все вещи. Невовлеченное называется нерушимым. Но выше всех есть ещё одно, называемое ещё и Высочайшим Я, которое как неисчерпаемый Господь, проникая три мира, поддерживает их.»

Дэвис в своём переводе те же стихов передаёт эту идею в весьма похожих терминах:

«В этом мире есть два типа существования, гибнущее и негибнущее (смертное и бессмертное). Гибнущее состоит из всех живых существ, негибнущее называется Господом Вышним. Но есть и другое, [самое] высшее существование, называемое Всевышним Духом.»***

* В русской теософической литературе как «Высшее Я» традиционно переводится использованное Синнеттом выражение «Higher Self», что можно буквально перевести как «Более высокое Я» (более высокое, чем личное, обыденное, но не Высочайшее Я, под которым Блаватская подразумевала мировое, единственное). В этих вводных словах акцентируется разница всех этих терминов. — *Прим. пер.*

** Противопоставляется Highest Self этих переводов и Higher Self у Синнетта. — *Прим. пер.*

*** В русском переводе Б. Смирнова говорится: "Два есть Пуруши в мире: преходящий и непреходящий; преходящий во всех существах, непреходящий именуется стоящим на вершине. Но Высочайший Пуруша иной, именующийся Запредельным Атманом; обладая тремя мирами, он (их) поддерживает, непреходящий господь". (XV, 16–17). — *Прим. пер.*

Обращаясь к Упанишатам, в последнем разделе Мундаки мы читаем:

«Тот, кто знает это Высочайшее Я, становится только им. Нет никого в его семье, не знающего о Я. Он переходит за пределы бед, за пределы пятен от добрых и злых дел, он освобождается от привязок своего сердца и становится бессмертным.»

И опять:

«И мы также знаем нетленное Высочайшее Я, тот берег за пределами всех страхов для тех, кто пересечёт море переселения душ.»

Далее в «Философии Упанишад» м-р Гоу говорит:

«Это Я, Высочайшее Я, Атман, Брахман, Параматман, это бытие, мысль и блаженство неразличающиеся.»

В книге «Чему нас может научить Индия» профессор М. Мюллер, описывая это Я, говорит:

«Атман — это Я, гораздо более абстрактное, чем наше “я” — Я всех вещей, Я богов древних мифов, Я, в котором каждое индивидуальное “я” должно упокоиться и обрести своё собственное истинное Я.»

И далее, на странице 251:

«Но то Я, высочайшее Я, Параматман, может быть распознано только после строгой нравственной и интеллектуальной дисциплины, а те, кто знали других богов, как имена или личности... поклоняясь этим именам или личностям, на самом деле поклонялись Высочайшему Я, хотя того и не зная.»

И опять, на странице 253:

«Я внутри нас (пратьягатман) было притянута к Высочайшему Я (Параматману); оно обрело своё истинное Я в Высочайшем Я, и единство субъективного с объективным Я признаётся как лежащее в основе всей реальности.»

Эти выдержки приведены не из-за того смысла, который они собственно несут, хотя во многом содержат сущность философии веданты, а как показывающие, что м-р Синнетт, помимо целесообразности формулировки, имел основания говорить об индивидуальном Я как о Высшем Я в отличие от Высочайшего. В своей роли как перевоплощающейся силы оно не должно рассматриваться как высочайшее, хотя по мере развития и становится всё более озарённым и вознесённым благодаря своему духовному устремлению к Высочайшему, и может в конечном счете расцвести, достигнув освобождения и единства. Атму, как представляющую чистый Дух, не следует путать с божественным человеческим Я, поскольку последнее, будучи в состоянии дифференциации и подверженное реинкарнации, должно содержать высший пятый принцип, или манас. В этом самом индивидуальном человеческом Я и содержатся потенциальные элементы будущего единства с Высочайшим и Вселенским Я, и оно-то, которое иногда замедляется на своём восходящем пути эволюции, а иногда получает помощь в движении вперёд благодаря опыту, приобретённому в союзе с последовательностью его личных я, было подходяще названо Синнеттом *Высшим Я*.

Е.П. Блаватская во многом написанном ею, похоже, поддерживает эту идею, и в некоторых случаях даже используют ту же самую номенклатуру. В своих комментариях к станце V она говорит:

«Этот огонь есть Высшее Я, Духовное Я или то, что вечно перевоплощается под влиянием его низших личных “я”» («Тайная доктрина», т. II, Станца V).

Далее в той же главе:

«Если только Высшее Я или Эго не притянется к своему солнцу».

На протяжении всего этого комментария читатель будет обнаруживать, что автор использует термин Высшее Я в качестве эквивалента того Я, которое перевоплощается.

И снова в замечаниях к Станце X, с. 230:

«Это человеческая земная форма посвящённых, а также — потому что Логос есть Христос, — тот “принцип” нашей внутренней природы, который развивается в нас в Духовное Я — Высшее Я, — образуемое нерушимым союзом буддхи, шестого, и духовным цветением манаса, пятого принципа.»

К этому в сноске добавлено:

«Неверно считать Христом, как делают некоторые теософы, шестой принцип в человеке, буддхи. Последний сам по себе — пассивный и латентный принцип, духовный проводник атмана, неотделимый от проявленной мировой души. Лишь в союзе с *самосознанием* буддхи становится Высшим Я и божественной распознающей душой.»

Далее в том же томе (гл. XXIII, с. 563):

«Когда в Пистис Софии ученики попросили рабби Иисуса открыть им тайны Света его Отца (то есть Высшего Я, озарённого посвящением и божественным знанием), Иисус отвечал,.. и т.д.»

Очевидно, чистый атман не может быть *посвящён* ни в божественное, ни в какое-либо другое знание, потому Высшее Я здесь, как и в других цитатах, может означать только перевоплощающееся Я.

Можно взять ещё одну цитату у того же автора из прекраснейшей небольшой книжки

«Голос Безмолвия», с. 38:

«Сдерживай низшее я Божественным.

Сдерживай Божественное Вечным.

Воистину велик победивший желание.

Но ещё более велик тот, в ком Божественное Я уничтожило саму мысль о желании.

Стереги своё низшее, дабы не осквернило оно высшее.»

Ясно, что ничто не может осквернить или запятнать чистый дух, и низшее и высшее здесь может указывать только на высшее и низшее «я». Слово *высшее* здесь означает промежуточное состояние между тем, что выше и тем, что ниже. Если чистый дух, атму или Всевышнего, называть Высшим Я, то что должно быть высочайшим,* если в языке есть какой-то смысл?

* В оригинале говорится о сравнительной степени (higher) и превосходной (highest). — *Прим. пер.*

Можно сказать несколько слов и о некоторых других вопросах, поднятых в упомянутых заметках. Самый важный из них тот, который касается того, какие принципы человека, находящегося в трансе, попадают под контроль месмеризатора. Конечно же, между Синнеттом и его критиками не будет расхождения во мнениях по одному пункту, а именно, что только атма, или чистый Дух, не во власти оператора. Однако если человеческое Я описывать как то или другое, тогда по опыту Синнетта, да и других изучавших оккультизм и обладающих практическими знаниями, касающимися высших аспектов месмеризма, нельзя согласиться с этим мнением.

Долгое и пристальное изучение этой отрасли оккультизма самым определённым образом показывает на необычайно разнообразный характер манасического принципа у представителей рода человеческого, возникающий в силу большего или меньшего духовного развития и вечно меняющихся кармических потребностей, снова и снова находящий выражение в психических формах воплощения. Эти различия в Высшем Я никогда не демонстрируются так ясно, как когда оно высвобождается в условиях месмерического транса, действует ли оно на астральном плане или на духовном. Каждое при таких условиях в чём-то отличается от другого, действующего в подобных обстоятельствах, самым разительным образом, так же, как и их физические тела в обычной жизни.

Более того, оператору этой чистой и более духовной формы месмеризма было бы невозможно заблуждаться относительно состояния сознания любого сенситива, находящегося в трансе. Тот в один момент может действовать на одном плане, а в следующий — на другом, но в уме тренированного оператора не может быть насчёт этого путаницы, ибо у сенситива не та же способность приобретать настоящие знания на астральном плане, как на духовном. Когда истинное Я благодаря усилиям или помощи месмеризатора действительно очищено от тесной связи с низшими принципами, оно конечно ещё в тесном магнетическом контакте с оператором, хотя о нём нельзя строго сказать, что оно под его контролем, ибо оно тогда перешло в те условия или то состояние сознания, которое совершенно освобождает его от всех влияний с этого плана.

В том месмеризме, который показывают со сцены или в экспериментах в гостиных, несомненно, в действие приводятся только астральные принципы. Физические чувства делаются бездействующими, а их место занимают астральные. Чтобы пить токсичные

жидкости, сосать сальные свечи или позволять протыкать своё тело иголками и булавками, не требуется вмешательства Высшего Я жертвы, и для таких демонстраций, чем сильнее физически и материальнее оператор, тем вероятнее более сильные обезболивающие результаты. Но когда вопрос стоит о высших областях искусства, необходимо что-то помимо сильной физической конституции.

Практика более духовной разновидности месмеризма, как обсуждаемая здесь, едва ли доступна для заурядных людей. Для неё требуется тот, кто изучает оккультизм, кто кое-что знает об условиях и влияниях, которые связывают человечество с невидимой вселенной, долгое терпение, великое самоотречение и некоторые другие способности, которых здесь нет нужды упоминать.

Почти первейшее, что должен сделать оккультный исследователь месмеризма, который также находится в поисках духовной истины, это постараться отделить высшую триаду принципов сенситива от низшей четвёрки. Это удастся более или менее быстро или медленно соответственно возможностям субъекта. Как только это достигнуто, Высшее Я последнего касается того состояния сознания, правом на которое наделяет свобода от низшей четвёрки, то есть духовного плана.

Как и в случае смерти, занимает ли полное отделение трёх высших принципов от низших более длинный или короткий период, когда это освобождение достигается, тогда сознание Я вступает в блаженство дэвачана. Но пока оно ещё не полное, умерло ли тело или только находится в трансе, пока высший манас слишком сдерживается требованиями низшего, Я неспособно коснуться состояний сознания за пределами астрального плана; но даже в этом состоянии с магнетизёром сообщается именно истинное Я, и несомненно умелый и опытный исследователь не перепутает независимый разум высшего Я с разговором низших астральных принципов, более или менее отражающим его собственные мысли.

Несомненно, в человеческом теле есть определённые центры жизненной и магнетической силы. Они имеют огромную важность как соединяющие физическое тело с астральным. Их возможности и их полное значение известны только тем, кто прошёл определённые посвящения и не могут быть разъяснены. Потому гораздо лучше вовсе не упоминать их в книгах, предназначенных для широкой публики, поскольку уже достаточно опасностей в распространившемся использовании месмеризма и гипнотизма среди любопытных и неразборчивых экспериментаторов и без начала этих новых направлений исследований, дальнейшие возможности которых, будучи открыты даже частично, сделали бы месмеризм в сто раз коварнее и опаснее для сенситивов, чем сейчас.

Пэйшнс Синнетт.

Глава 10

В своей автобиографии Анни Безант на последних нескольких страницах говорит о своём приходе к теософии и своих отношениях с Е.П. Блаватской. Она никогда не знала С.Д. в бурные периоды её жизни, познакомившись с ней лишь в 1889 году, когда та комфортно расположилась на Лэндсдаун роуд, будучи окружена поклонниками. В этих спокойных условиях она естественно была рада за заручиться поддержкой Безант великого дела теософии, которому та всегда была готова служить по-своему, даже теми средствами, которые осудила бы *западная мораль*, которую она открыто презирала, при этом стремясь поддерживать в себе высшие качества своего характера, свидетельств которого в избытке.

Для Безант, на протяжении короткого остатка жизни Блаватской, последняя всегда была достойна уважения, приличествующего со стороны ученика «учителю, который никогда её не подводил» и «страстной благодарности, которой в нашей школе естественно заслуживает тот, кто открывает ворота и указывает путь».* Несомненно, Е.П. Блаватская осознавала важность Безант как ценного для Теософического Общества новобранца и делала всё, что могла, чтобы упрочить её привязанность к нему.**

* Annie Besant, «An Autobiography», 344.

** Е.П. Блаватская так отзывалась о ней: «Что это за сердечная, благородная, чудесная женщина! И как она говорит! Слушаешь и не наслушаешься! Демосфен в юбке!.. Это такое приобретение, что я не нарадуюсь! У нас именно не доставало красноречивого оратора. Я говорить совсем не умею. А это — соловей какой-то! И как глубоко умна, как всесторонне развита!.. Уж эта помощница не изменит ни делу, ни даже мне». (В.П. Желиховская, «Радда-Бай»). — *Прим. пер.*

Хотя на протяжении многих лет этого периода *феномены* презрительно отвергались как самой С.Д., так и её поздними последователями, как недостойные того, чтобы их связывали с возвышенной этикой чистой теософии, к ним как к мощной силе, похоже, приходилось прибегать для закрепления преданности Безант её почитаемой наставнице.

Она писала: «Я спросила её, что за силы действуют в качестве посредника, производя стуки, столь часто слышимые на спиритических сеансах. “Вы ведь не используете духов, чтобы их производить?” Она сказала “Смотрите!” и поместила свою руку над моей головой, не касаясь её. И я услышала и почувствовала лёгкие стуки в костях своего черепа, посылавшие небольшую электрическую дрожь вниз по позвоночнику. Затем она тщательно объяснила, как производятся такие стуки в любой точке, желаемой оператором, и как взаимодействие потоков, в силу которых они происходят, может вызываться и иначе, чем сознательным применением человеческой воли. Именно так она могла иллюстрировать свои устно передаваемые учения, подтверждая экспериментально сделанные ею заявления о существовании тонких сил, управляемых тренированным умом». Безант не упустила добавить: «Доказательства реальности её миссии от тех, о ком она говорила как об Учителях, не в тех сравнительно незначительных физических и ментальных явлениях, а в её великолепной героической стойкости, глубине её знаний, бескорыстии её характера, возвышенной духовности её учения, неустанной страстной преданности, и непрерывном рвении в работе по просвещению людей» (там же, 353-4).

Взгляд на неё, который некоторые из нас вынесли из раннего опыта, делает какую-то часть этих блистательных похвал скорее забавной, чем производящей впечатление, и хотя моё простое повествование о фактических событиях иногда бросает свет на менее очаровательные аспекты весьма разнообразного характера Е.П. Блаватской, я теперь могу легко понять, как полностью подавив их и имея сильный мотив, она могла вызвать у Безант то впечатление, которое выразилось в тех хвалебных выражениях, которые были процитированы выше. Её характер не был бы таким *разнообразным*, как я его описал, если бы в нём не было и некоторых прекрасных аспектов, впрочем, как и других.

За то время, пока Анни Безант с ней жила — на протяжении последних двух лет её жизни — ни я, ни моя жена, с нею не виделись. Мы были в тесном контакте с самим Учителем К.Х. благодаря лично организованной связи, и как я уже объяснял, были строго им предупреждены охранять её от любого возможного вмешательства Блаватской. Так что результатом этого стало полное прекращение наших когда-то близких отношений.

Я так никогда и не узнал, какие странные сказки она придумывала, чтобы удерживать Безант от знакомства с нами, которого та, она естественно, желала, когда примкнула к теософическому движению. В своей автобиографии она описывает, как задолго до знакомства с Блаватской она исследовала все виды оккультных идей — «И вот в темноте блеснул луч света — “Оккультный мир” Синнетта с чудесно озаряющими письмами».

Когда это озарение расширилось, и оккультизм в самых своих возвышенных аспектах стал главным

призванием и целью жизни Анни Безант, со стороны Блаватской потребовалась некоторая изобретательность, её сдерживать и не позволить войти в контакт с нами. Изобретательность эта оказалась эффективной, и лишь после смерти Блаватской, только после того, как Безант съездила в Индию, самостоятельного вошла там в контакт с Учителем Морьей и вернулась в Лондон, этот таинственный барьер, поставленный между нами, разрушился. В трогательной для меня манере, простая и прямая Анни Безант сказала, что поначалу неверно судила обо мне и жалеет об этом. Мы сразу стали добрыми друзьями, и я никогда не пытался проникнуть в тайну, которая за всем этим стояла.

В 1890 году Е.П. Блаватская переехала с Лэнсдаун роуд на Авеню роуд 19, в Сен-Джонс Вуд, который был в распоряжении у Безант, и в котором она умерла в мае 1891 года. Чуть позже Безант впервые посетила Индию, а по возвращении оттуда установила дружеские контакты с нами, как я уже описал. Тогда мы находились в середине того периода, когда наши личные методы сообщения с Учителем К.Х. повсюду действовали, а в секретности, которая поначалу была нужна, чтобы охранять их от ревности Блаватской, больше не было необходимости. Безант быстро оценила важность этого, и подала заявление на допуск в Лондонскую ложу, куда мы её радушно приняли. Конечно, она сразу же начала принимать участие в работе внутренней группы, которая, без всякой формальной организации как таковой и без масонского церемониала, стала в тот период реальным центром теософического учения. Длинная серия «Трудов Лондонской ложи» возникла благодаря этому учению, которым она и наполнялась, и теперь мы оглядываемся на них, как на вехи на пути, которые постепенно привели к дальнейшему развитию знаний теософии.

Когда Безант присоединилась к нашей группе, она впервые близко познакомилась с Ледбитером, чьи замечательные способности ясновидения оказали неоценимую помощь в наших исследованиях. На тот момент она уже была исключительно предана сотрудничеству с нами. Как я уже упоминал, я нашёл ему заработок в лондонском офисе «Пайонира», но в конце концов, по мере того, как Безант стала его ценить, она захотела взять его штат команды, работавшей на Авеню роуд. Она была окружена там группой молодых людей, отождествлявших себя с ложей Блаватской, некоторые из которых вполне процветали и обладали значительными средствами. Ледбитеру сделали предложение — если он бросит свою работу в «Пайонире», придёт в жить в дом на Авеню роуд и посвятит себя помощи тамошней группе в их исследованиях, то он будет обеспечен адекватным доходом — я не помню, какой точно была сумма, которую ему гарантировали. Ради справедливости к нему я должен сказать, что первым его ответом было, что он предоставит право решать мне, и если бы я отказался одобрить эту договорённость, я уверен, что он бы принял моё решение. Но я чувствовал, что мог дать только один ответ. Я был уверен, что он предпочёл бы план с Авеню роуд любому другому жизненному пути, и я согласился. Я знал, что эта перемена значила бы большую потерю для нас в Лондонской ложе, но это надо было перенести. Первоначальная идея была в том, что Ледбитер сможет продолжать посещать собрания нашей группы, но естественно, его интерес к этому со временем угас. Я не могу найти точную дату этого изменения, но это было где-то в 1890-х.

В течение этих лет наша деятельность на Лейнстер гарднз была очень энергичной. Записи о ней в дневнике своей жены я нахожу очень интересными. Мы постоянно проводили собрания Лондонской ложи, на которые приходили многочисленные друзья членов; количество посетителей иногда доходило до шестидесяти человек, и всё время продолжались еженедельные встречи группы. Иногда они, похоже, продолжались допоздна. На некоторых вечерних собраниях с лекциями выступала Анни Безант, но чаще эта обязанность выпадала мне. Распространение интереса к теософии в результате этой деятельности должно было быть очень существенным, о чём отчасти свидетельствуют записи о наших регулярных еженедельных вечерних приёмах. В дневнике обычно записывались имена посетителей, бывавших по вторникам, или многих из них, и эти списки значимы, как говорящие о распространении интереса к нашей работе в разных слоях лондонского общества.

Это всё происходило, несмотря на наше финансовое разорение. Это не автобиография, так что мне не нужно входить в подробности, но оно произошло из-за полного краха некоторых компаний, в

которые я очень сильно вложил в течение предыдущих девяти или десяти лет, отчего мне приходилось работать больше, чем когда-либо и принимать помощь от сочувствующих друзей. Весь ход событий, как я с тех пор узнал, был вне обычной кармы нашей жизни. Это было устроено тёмными силами с той мыслью, что мы разозлимся на наших Учителей за то, что они не предохранили нас от катастрофы и бросим всю теософическую работу с отвращением. Хотя мы очень страдали, мы остались верны делу теософии, таким образом то, что замышлялось для нас как духовная катастрофа, оказалось успешно пройденным испытанием, поспособствовавшим большому духовному продвижению.*

* Такие рассуждения не лишены оснований, так как всего через несколько лет после написания этой книги Кришнамурти потерял веру в Учителей после того, как умер его любимый брат Нитья, несмотря на то, что ему обещали его выздоровление. — *Прим. пер.*

Несмотря на затруднительное финансовое положение, мы несколько лет продолжали жить на Лейнстер гарднз, и встречи ложи и группы продолжали приводиться там, но в конце концов в 1905 г. нам пришлось переехать в дом поменьше и подешевле, в менее желательном окружении, на Вестбоурн террэйс роуд, 14. Тем не менее, наши друзья-теософы нашли дорогу и туда, и мы продолжили наши вечерние приёмы по вторникам.

Вскоре у Теософического Общества начались серьёзные неприятности. Их нельзя считать относящимися к раннему периоду, так что будет необходимо лишь очень кратко набросать ход этих событий. На протяжении нескольких лет Ледбитер путешествовал с лекциями по Америке и Австралии. Из Америки нашей страны достигли неприятные истории о том, что он виновен в неподобающем поведении с мальчиками, доверенными ему в качестве учеников. Обвинения в особенности касались инструкций, которые он более или менее тайно давал им, чтобы притушить их желание к обычным половым сношениям. Те, кто были склонны толковать их в самом худшем смысле, воображали, что они указывают на ещё более шокирующие посягательства. Олкотт, который был тогда в Париже, приехал в Лондон, чтобы расследовать обвинения и созвал собрание из видных теософов, чтобы посоветоваться с ними, какому порядку действий нужно следовать. Ледбитер, который сам присутствовал, не отрицая, что давал этим мальчикам вышеупомянутые инструкции, с презрением отверг все другие порочащие его намёки.

Разбирательство было очень неприятным, и некоторые присутствующие члены с жаром требовали исключения Ледбитера из Теософического Общества. Он уже предлагал Олкотту заявление о выходе, и я предложил его принять. При голосовании сторонники исключения оказались в меньшинстве, и моему предложению последовали. После этого Ледбитер удалился в неизвестность, и лишь несколько близких друзей знали его адрес; так что буря на время утихла.

Более серьёзные последствия этого, что касается Общества, произошли позже. В 1907 году Олкотт умер в Адьяре, Мадрас. По свидетельству одной ясновидящей дамы, бывшей в то время в Адьяре, когда уже приближался фатальный исход болезни Олкотта, там в астральных телах присутствовали некоторые из Учителей. Подробности этой истории стали распространяться в Теософическом Обществе, и в них верили или не верили в зависимости от умонастроений людей. Говорили, что Учителя якобы ясно заявили, что следующим президентом должна стать Безант.

Тем временем мне достались достаточно озадачивающие функции. По правилам Теософического Общества в случае смерти или отставки президента до выборов нового президента президентские полномочия исполняются вице-президентом. В момент смерти Олкотта эту должность занимал я, но я жил в Лондоне, а весь механизм администрации Общества был сосредоточен в Адьяре. Текущая ситуация даже требовала применения президентских полномочий. Было очевидно, что я должен был делегировать свои внезапно приобретённые полномочия кому-то в Адьяре. Последовал обмен разными телеграммами, и казалось, что нужно выбрать для этого либо Безант, либо Бертрама Кийтли, который тогда был на месте. Они, как я понимал, очень расходились во взглядах, а у меня не было средств составить независимое мнение о ситуации, так что я назначил казначея Общества, человека, который, похоже, занимал нейтральную позицию между более или менее

противостоящими группами и пользовался всеобщим уважением как мой представитель. Время шло, должным образом была избрана Анни Безант, и волнения этого периода быстро забылись, хотя скандалу с Ледбитером было суждено вскоре разгореться с новой силой.

В ноябре 1908 года меня постигло страшное горе — утрата моей жены, которая умерла 9 числа этого месяца после долгой и очень мучительной болезни, вызванной раком. Для блага тех читателей, которые будучи теософами, вовсе не неестественно будут удивлены и изумлены таким концом такой жизни, я думаю, что стоит объяснить, что с тех пор я узнал, что её страшные страдания были ни кармическими, ни в данном случае результатом нападения каких-то сатанинских вражеских сил. Она по своему собственному решению на высшем плане, хотя и не сознавая этого в своём воплощённом «я», *выбрала* такие мучительные условия своего ухода из этой жизни — для которого настал естественный срок — чтобы исполнить великое духовное назначение. Для более полного объяснения этого потребовалось бы тщательное рассмотрение оккультных тайн, которое не входит в задачу этой книги. Нет необходимости задерживаться мне и на том, какой эффект на время произвела на меня эта утрата, пока по мере своего дальнейшего развития я не смог верно понять всю эту ситуацию, воспользоваться возможностью общения с ней и осознать мудрость, стоящую за избранным ею путём.

Вскоре после избрания президентом Безант нашла причины изменить своё первое впечатление о деле Ледбитера и устроила его возвращение в Адьяр и возобновление его работы в качестве одного из ведущих членов Общества. Это вызвало много возбуждения в Обществе и особенно в Лондонской ложе. На её собрании, проведённом в феврале 1909 года, ложа практически единодушно проголосовала за полное отделение от Теософического Общества. Я не вполне сочувствовал такому решению, но учитывая сильное преобладание в ложе таких чувств, пытаться противостоять предложению об отделении было бесполезно. Отделяться от общества, одним из инструментов основания которого я был, что касалось западного мира, представлялось абсурдным, но так или иначе, путём соглашения об отделении казалось возможным сохранять целостность Лондонской ложи, сделав новое отделение, сохраняющее связь с теософией, но не с Теософическим Обществом. Так что был назначен комитет для проведения этой идеи, и члены бывший Лондонской ложи стали членами новой организации, которой мы дали новое название — Элевсинское Общество.

Под этим обозначением мы встречались около двух лет в комнатах Королевского Азиатского Общества на Олбермарл стрит. Всё это время я оставался в контакте с Учителями через очень эффективный канал коммуникации, и пришло время, когда мне дали увидеть, что это ненормальное компромиссное решение может закончиться. Я решил восстановить свою связь с организованным Теософическим Обществом. Я был восстановлен своей прежней должности вице-президента, и постарался убедить Элевсинское Общество восстановить свою прежнюю хартию как Лондонской ложи Т.О. Некоторые согласились, а другие отказались. Лондонская ложа была переучреждена по специальной хартии, выпущенной управляющим советом в Адьяре, и постепенно весь «элевсинский» эпизод почти забылся, за исключением нескольких разорванных дружеских связей раннего периода, что стало для меня грустным воспоминанием о великом кризисе 1906 года.

Цель, которую я себе поставил — оставить после себя на благо будущих поколений теософов простой и правдивый рассказ о том, при каких обстоятельствах в западном мире началось это великое движение, чтобы по мере надобности исправить мифические представления об этом раннем периоде, которые склоны возникать позже среди новых приверженцев движения, лично не знавших тех человеческих посредников, которые применялись в начале настоящими Основателями теософического движения, работающими на сверхфизических планах деятельности. Ошибки людей, выступавших посредниками, снова и снова грозили обрушить всё предприятие. Немногие из нас, связанных с самым началом движения, смогли избежать ошибок полностью, но завершая этот набросок обзора ошибок и успехов, хочу заметить, что эта история знакомит читателя с одной личностью, совсем неизвестной миру теософов в целом, чей вклад в ранние этапы работы представляется мне, оглядываясь назад, совершенно незапятнанным ошибками — с моей женой. История, которую мне пришлось рассказать, показывает, как нам с женой была предоставлена

честь запускать теософическое движение в Европе, ибо то, что было сделано там до 1883 года, никак не обещало прочного долголетия. Я — и едва ли кто-либо ещё из ещё живущих — могу оценить ценность её влияния в то время, пока наш дом был центром, вокруг которого вращалась вся теософическая деятельность того периода. И это влияние было столь эффективным, как, похоже, я теперь вижу, потому что оно не была тронута и малейшим желанием признания. В натуре моей жены не было даже зародыша себялюбия, на котором могут играть злые влияния, вызывая неверные действия, тогда как если в людях, с которыми ей приходилось иметь дело, были зародыши чего-то правильного, её влияние пестовало и взращивало их замечательным образом, как я стал понимать в эти последующие годы, прошедшие с её ухода. Свойство, которое способствовало упомянутым мною результатам, состояло в том, что она была самым правдивым человеком, которого я только знал, неспособным на любую форму обмана, что производило на других впечатление даже большее, чем они сами понимали.

Перевод К.З.